

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган издательства Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией Е. Пятаева, Е. Лебедева-Кузнец, М. Давыдова, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 16 (930)

Воскресенье, 20 апреля 1941 г.

Цена 45 коп.

Пьеса для детей

Всякий, кто был когда-либо в детском театре, не мог не ощутить огромной силы воздействия театрального искусства на детей — на эту самую живую, самую отзывчивую, самую желанную публику в мире. Любая роль в детской пьесе...

Впервые собрал вместе и показал нам, что у нас есть, что сделано, а значит — что нам надо делать дальше. Результаты уже были. В этом сезоне появилось несколько новых советских пьес, воспитательное значение которых бесспорно.

Уметь во-время направить внимание ребят в ту сторону, куда надо, заговорить со сцены о самом важном в данный момент, создать в театре образ, который может стать предметом подражания, увлечь всю массу детей-зрителей одним благородным порывом — вот педагогическая задача советского детского драматурга.

На очереди — пьесы о трудовом воспитании. Известно, что театры и драматурги ждали с огромным интересом пьесу, которую обещал и уже начал писать А. С. Макаренко. Смерть помешала ему закончить ее.

Драматург, пишущий для детей, должен найти и показать на сцене детского театра то новое, что родилось именно нашей жизнью, то абсолютно новое, что существует только на советской земле, то прекрасное, за что бился и жизнь отдавал отцы и деды и за что сейчас каждый гражданин Советского Союза готов идти в бой.

В последнем номере журнала «Пионер» в маленьком рассказе «Кем быть?» инженер рассказывает школьникам, что в нашей стране «стрелять тысяч профессий». Сколько здесь тех, кто может быть для детской пьесы! Отой профессий, одной советской отрасли труда и науки мы уже обязаны талантливым спектаклям в детском театре — «Сказкой» Светлова.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА МОРДОВИИ

В Саранске состоялось совещание по вопросу о состоянии мордовской детской литературы, организованное ВЛКСМ и Союзом советских писателей Мордовии. Доклады о мордовской мифике и мордовской-аря детской литературе сделали т. А. Карасев и П. Компанкин.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

БЕЛОСТОК. (Наш корр.). Отделение Союза советских писателей проводит ряд литературных вечеров и выступлений, посвященных встрече 1 мая. Созданы бригады белорусских, польских и еврейских поэтов для выступлений с чтением своих произведений на предприятиях и в рабочих клубах города.

В единой семье

Недавно в Минске состоялась творческая конференция еврейских писателей Советской Белоруссии. С большим удовлетворением было отмечено творческое восприятие западных областей республикой — Геллером, Элиотом, Рубинштейном, Кнаппайсом, Еносовичем и другими.

В Белостокском Доме Красной Армии состоялся творческий вечер Филиппа Пестрака. Доклад о творчестве поэта сделал Г. Смоляр. Выступившие на вечере Максим Танк и секретарь обкома партии т. Зыбальков говорили об идейных достоинствах произведений Пестрака и активном участии поэта в социалистическом строительстве на освобожденной земле.

Перед столетием со дня смерти М. Ю. Лермонтова

ЗАСЕДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЮБИЛЕЙНОГО КОМИТЕТА

17 апреля в Союзе советских писателей под председательством А. Фадеева состоялось заседание президиума Всесоюзного юбилейного комитета, в котором приняла участие академик О. Ю. Шмидт, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств М. В. Хранченко, писатели, поэты, литературоведы, представители Литературного музея, Радиокомитета и других организаций.

С информативной о подготовке к лермонтовским дням выступила М. М. Есен. — В совхозах автономных республик, края и областей, — сказала т. Есен, — созданы 40 лермонтовских комитетов, в которые вошли крупные общественные деятели, художники, писатели. Комитеты разработали планы проведения юбилея и увековечения памяти поэта.

В Москве, Ленинграде и во многих других городах готовятся выставки, разрабатываются программы докладов, лекций и вечеров, посвященных жизни и творчеству великого поэта.

Заседание утвердило в основном экспозиционный план всесоюзной юбилейной выставки, посвященной жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова. Она будет размещена в четырех залах Пушкинского музея. В первом зале будут даны материалы биографии и творчества поэта, относящиеся к детским, отроческим и юношеским годам, во втором зале — материалы периода с 1832 по 1840 г. и в третьем — последние годы жизни поэта.

Подготовка к лермонтовским дням в Грузии

ТВИЛИСИ. (Наш корр.). Лермонтовский юбилейный комитет наметил ряд конкретных мероприятий по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта. Решено издать к юбилейным дням «Героя нашего времени» в переводе К. Чичинадзе, «Демон» в переводе М. И. Лермонтова, сборник научных исследований, посвященных поэту, и книгу избранных произведений М. Ю. Лермонтова.

В Институте мировой литературы

Лермонтоведение в последнее время обогатилось рядом новых данных, свидетельствующих об отражении в творчестве поэта современной ему действительности, о реальных прототипах его художественных образов. Большой интерес в этом смысле вызвало сообщение Л. Гроссмана, — «Испания» Лермонтова и «Бессмертное дело», — ссылаясь на материалы в Институте мировой литературы.

Неопубликованные рассказы

А. М. Горького

Институту мировой литературы подготовлен в печати четвертый том «Архива А. М. Горького». О содержании этого тома сделала сообщение на собрании горьковской секции института Н. Белкина. В четвертом том «Архива» вошли 21 произведение, разной степени завершенности, написанных в разное время — с 1893 до 1934 г.

Том состоит из двух разделов — рассказов и воспоминаний. Первый раздел открывается «Автобиографией». Это вариант повести «В людях», содержащий автобиографию четвертой и пятой глав, но резко отличающийся своей эмоциональной окраской. Алексей Максимович описывает свое плавание на пароходе в качестве пассажира в розовых, жемчужно-розовых тонах, рассуждая, что о плохом «не хочется рассказывать».

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Пьеса для детей. ПЕРЕД СТОЛЕТИЕМ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. Заседание Всесоюзного юбилейного комитета. Подготовка к лермонтовским дням в Грузии. В Институте мировой литературы. З. АКСЕЛЬРОД. В единой семье. ИНФОРМАЦИЯ. 2 стр. ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Обсуждение произведений С. Бородин, А. Тарасова, Л. Лазарева. Выступления Л. Сурицкого, О. Перовской, А. Караваевой, А. Митрофанова, В. Ковалевского, Ю. Луккина, Г. Шорма, Н. Вильям-Вильмонта и А. Тостова. 3 стр. В. ФОМЕНКО. Книга о Фрунзе. УЛУГ-ЗОДА. Судейская АБУННЕЛЛИ. Таджикская поэзия. В. ПОТАПОВ. Стихия таппа.

За неделю

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ССП СССР

18 апреля состоялось заседание президиума Союза советских писателей СССР. Первым обсуждался вопрос об издании таджикской литературы на русском языке. Президиум ССП СССР нашел необходимым подготовить и издать в течение 1941 — 1942 г. большую антологию классической и советской таджикской поэзии и собрание произведений родоначальников таджикской литературы Рухки, Дакики и других. Решено также издать избранные произведения крупнейшего писателя Таджикистана С. Айни и подготовить к изданию сборники избранных произведений других лучших поэтов Таджикистана.

У ПИСАТЕЛЕЙ ЛИТВЫ

Газета «Труженик» сообщает, что в каунасском Доме писателя состоялось совещание актива литературных работников. В работе совещания приняли участие председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР т. Палецкас, секретарь ЦК КП(б) Литвы т. Крейкшас, писатели, поэты и журналисты.

В связи с декадой таджикского искусства президиум Союза писателей и клуб устраивают 24-го большого вечера, посвященного литературе и искусству Таджикистана. На этом заседании решением президиума ССП приняты в члены Союза писателей: поэт К. Мурзиди (Свердловск), неоднократно печатавшийся в московских толстых журналах; В. Сафонов — автор повести «Власть над землей», печатавшейся в «Красной новине», и ряд произведений научно-художественного характера; очеркист В. Овечкин, печатавшийся в «Красной новине» и выпускающий в издательстве «Советский писатель» книгу своих рассказов и очерков; критик С. Трегуб; литературовед Б. Козьмин — автор работы о Нисареде. Добролюбов, специалист по истории русской литературы XIX века; В. Узин — испанист и знаток русской поэзии; сценарист и драматург М. Смирнов; А. Бекетова — переводчица произведения Диккенса, Жюль Верна.

Совет Пароных Комиссаров Литовской ССР вынес специальное постановление о подготовке к декаде литовского искусства в Москве. В постановлении, между прочим, указывается, что к подготовке декады слабо привлечены писатели и поэты. Намечен ряд конкретных мероприятий, в частности, создать правительственный комитет по руководству подготовкой в декабре. В Вильнюсе открывается Дом народного творчества, решено провести республиканскую олимпиаду художественной самодеятельности.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

БИБЕВ. (Наш корр.). Президиум Союза советских писателей Украины обсудил на своем заседании доклад руководителя кабинета молодого автора т. И. Гончаренка о работе с начинающими писателями. Существующий уже несколько лет при Гослитиздате Украины кабинет молодого автора в настоящее время своими формами и методами работы не отвечает возросшим требованиям. Выступивший в прениях Павел Тычина поблагодарил опытнейшей работы с молодыми писателями. — Кабинет молодого автора, — говорит П. Тычина, — часто советуется писателям по теории творчества, не учитывая того, что эти книги почти совершенно невозможно достать на местах. П. Тычина требует от кабинета помощи молодым авторам, считая целесообразным издание специальной библиотеки в помощь молодому автору.

НОВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

В Малом зале Дома искусств в Таллине состоялось собрание писателей и журналистов. Доклад о задачах эстонских советских писателей сделал партийный комиссар просвещения Эстонской ССР тов. Н. Андерсон. Подробно остановившись на состоянии современной эстонской литературы, он говорил затем о тех больших творческих возможностях, которые раскрылись для писателей в новых, советских условиях. При Союзе писателей Эстонии создана культурная секция. О задачах этой секции говорил в своих выступлениях М. Юрба и А. Алсон. Решено устроить несколько докладов по вопросам литературы, провести товарищеские встречи с читателями, обеспечить новые произведения, организовать помощь молодым авторам и т. п.

ПРИЕМ В ЧЛЕНЫ ССП

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). На последнем заседании правления Ленинградского отделения Союза советских писателей приняты в члены союза ряд переводчиков западноевропейской, восточной и американской литературы. Среди них — проф. М. Алексеев, широко известный своими работами в области американской и английской литературы, и проф. Е. Бергелев, крупнейший знаток и переводчик восточной литературы. Приняты также в Союз писателей В. Римский-Корсаков, успешно работающий над переводами грузинских поэтов, и молодой востоковед Г. Птицын, еще на студенческой скамье переведший с подлинника произведения Айни, работающий сейчас над переводами Низами, переводчик современных украинских и еврейских поэтов Е. Невзнецов, автор интересных переводов из английских и американских поэтов Э. Горлин.

В целях улучшения работы президиум решил передать кабинет молодого автора редакции журнала «Радянська література», создав также же кабинет при редакциях остальных украинских литературно-художественных журналов.

На днях в Москве (ул. Кропоткина, 12) открывается постоянная выставка, посвященная жизни и творчеству В. В. Маяковского. НА СНИМКЕ (справа): «Маяковский» — работа скульптора А. М. Лавинского; (слева): иллюстрация художника Д. Моора к поэме «Хорошо».

Обсуждение произведений С. Бородина, А. Тарасова, Л. Лазарева

Дневник десятого дня

Роман Сергея Бородина (Амира Саргиджана) «Дмитрий Донской» привлек к себе особый интерес, так как автор, впервые выступив после довольно длительного молчания, во-вторых, предявил очень значительное произведение, новое для него и по теме и по манере письма.

С. Козлов анализирует приемы стилизации, которыми пользуется Сергей Бородин, и считает, что роман дает образ очень тонкой, естественной и высокохудожественной стилизации.

И. Меньшиков находит несправедливым упрек докладачика в том, что жестокая эксплуатация монастырей в отношении крестьян описана автором. Роман вызывает горячее и восторженное чувство патриотизма. Успех произведения, по мнению И. Меньшикова, объясняется не только прекрасное дарование автора, тщательное изучение материала, любовь к истории русского народа, но и глубокое знание народного творчества.

Нельзя рассматривать новую книгу писателя без всякой связи с предшествующими произведениями, — говорит Ш. Соколов. — Тонкий лиризм, любовь к слову, упрямые творческие поиски Саргиджана продолжили ему верный путь к новому, вполне зрелому произведению. Он показал своим сверстникам пример того, как суровая требовательность к себе, долгая и упорная работа совершенствуют писателя и раскрывают полностью его дарование.

Л. Субоцкий

Амир Саргиджан был известен ранее как автор трех книг рассказов и повестей о Средней Азии. В этих книгах были хорошие рассказы на большие и важные темы, обнаруживавшие умение писателя свободно обращаться со сложными условиями и в своеобразных условиях молодых советских республик.

Некоторые фальшивые черты в нем (встреча с Дмитрием после битвы и др.) могут быть устранены, и это надо сделать, убрав также излишние полтергеймы в описаниях в отношении Кирилла и Анну. Внимание автора к Кириллу, который в романе занимает центральное место, в ряду с московским князем, — явление закономерное. Художник приобретает здесь свободу обобщения, сохраняя непосредственность отражения исторических событий на судьбах и жизненной практике обыкновенных, простых людей.

О. Перовская

«Дмитрий Донской» — несомненно блестящая победа С. Бородина, она означает освобождение талантливого и своеобразного писателя от многолетнего тяжелого ита, бездонного эстетизма, украшательства.

В образе Дмитрия не все удачно, хотя основная задача — создать живящую, реалистическую фигуру московского князя — писателем разрешена. С. Бородин правильно показал князя как носителя идеи преодоления княжеской междоусобицы, создающего необходимые предпосылки для борьбы с татарами. Но в трактовке образа кое-где допущена фальшь: иногда князь показан как печальный за народ, как князь-демократ; это, конечно, неправильно. Такого же рода ошибка допущена и в характеристике Сергея Радонежского — правильно указан на роль князя в преодолении междоусобицы князей. С. Бородин не раскрыл того, что монастырь был также центром ростовщичества и эксплоатации крестьянства; в некоторых местах романа Сергей показывает превращение-отрешением от «мирских дел» и даже с допущением элементов перковой аскетизма. Это один из существеннейших недостатков романа.

А. Каравая

Мне хочется сказать самое основное о предании произведений Саргиджана. Несмотря на все ветствия их, порой малочисленность, люди, которые в них трудятся, красивы. Человек ловок, силен, в своих движениях. Всегда приятно, когда человек работает хорошо на поле, в огороде, в лесу. Это положительная черта Саргиджана. Это одно из тех асепт, которое дает возможность вырасти хорошему, полному человеку — роману «Дмитрий Донской».

Хороши образы Маяма и Бегча, особенно последнего, удачны батальные сцены и картины неотрагического и грозного обилия войск. В романе — тонкий, лирический пейзаж, хороший язык, в котором лишь иногда проскальзывает следы прошлой манерности, которой грешит писатель.

А. Тарасов

В новом романе в Дмитрие Донском прекрасно, горячо, в национальном волеинеме рассказывает С. Бородин о том, как десятки лет непрерывных битв, разгромов, пожаров, разрушений в сознании народа, тяну к единению, национальное сознание, патриотизм.

Бю внешний облик, его роль в исторической ситуации даны строго документально, но в быте и характере Дмитрия автор кое-что домыслил, кое в чем идеализировал довольно среднего по своим дарованиям князя.

Н. Вильям-Вильмонт

Мне хочется сказать самое основное о предании произведений Саргиджана. Несмотря на все ветствия их, порой малочисленность, люди, которые в них трудятся, красивы. Человек ловок, силен, в своих движениях. Всегда приятно, когда человек работает хорошо на поле, в огороде, в лесу. Это положительная черта Саргиджана. Это одно из тех асепт, которое дает возможность вырасти хорошему, полному человеку — роману «Дмитрий Донской».

В каждом своем рассказе Тарасов остается верен самому себе. Это — вымышленный художник, отыскивающий в быте народа колхозной деревни черты нового человека. Но играет Тарасов на одних и тех же излюбленных им нотах, и ему грозит опасность остаться однообразным писателем.

Коротко о недостатках. Они есть, но не очень существенны. Очень интересен образ человека из народа (Кирилл) испорчен чрезмерной дозой эстетства, приписанного ему автором. Не нужно было делать его душегубом.

Дневник одиннадцатого дня

На одиннадцатом заседании конференции обсуждались ранние рассказы А. Тарасова и две его повести «Круной зверь» и «Охотник Аверьян». — вещь, начатая недавно в «Круной зверь». За исключением М. Ковалевского (чье выступление мы летимам ниже) и О. Колесниковой, сделавшей несколько конкретных замечаний, касающихся женских образов и построения диалогов, почти никто из участников конференции не говорил о недостатках в творчестве Тарасова. Напротив, почти все выступавшие выражали свое неослабевающее и теми немотами критическими замечаниями, которые сделал в своем выступлении т. Ковалевский.

При этом также вспоминались и мнения П. Павленко о романе «Круной зверь», высказанные им на открытом партийном собрании ЦСР. «В повести нет настоящего жизненного социального конфликта. Следовательно, нет и борьбы. А это значит, что нет и победы...» «... советский человек в его сегодняшнем развитии и книге нет», — говорил т. Павленко. Это его утверждение вызвало многочисленные возражения. В частности, М. Старт, давая исключительно высокую оценку всему творчеству Тарасова в целом, говорит, что т. Павленко, так же, как и т. Ковалевский, не полагал его типичных свойств, путая их с недостатками. Тарасов же смазывает конфликты, он говорит в огромном голосом, — таково свойство его дарования. Тарасов, по мнению т. Старта, слаб в композиции, в сюжете, но в эту область т. Старт, как это ни странно, относится в «Охотнике», а не в недостатках творчества писателя.

А. Митрофанов

Мне много раз приходилось говорить о характере творчества Тарасова — мягком без лажина, напоминающем что-то вроде вечерней песни за холмами.

Почти через все рассказы и через обе повести проходит очень интересная фигура Матюса.

Употребление таких словечек, как «конструкция» или «ситуация» — это все-таки лишняя наименьшая сопротивляемость. Но мало все время растет. В «Круном звере» при тушении лесного пожара, который устроили вредители, он командует армией колхозников. Речь его становится более осмысленной.

В. Ковалевский

В каждом своем рассказе Тарасов остается верен самому себе. Это — вымышленный художник, отыскивающий в быте народа колхозной деревни черты нового человека. Но играет Тарасов на одних и тех же излюбленных им нотах, и ему грозит опасность остаться однообразным писателем.

Ю. Лукин

Тов. Ковалевский говорил в своем выступлении о «тихом голосе» Тарасова, о том, что он берет хорошие темы, но они не слышны в общем грохоте наших дней.

Роман написан хороним эпическим свободным языком. Слышен аромат говора XIV века. Но кое-где автор сбивается в стиль, допуская слова и обороты, которые присущи только современному языку, они дробят стиль, нарушают цельность.

Дневник двенадцатого дня

Двенадцатое заседание конференции было необычным: обсуждалось первое, еще не напечатанное произведение Л. Лазарева «Русская сказка». Обсуждалась, собственно, лишь первая часть этой вещи, задуманной как широкая эпопея о русском народе, о его поисках счастья, о его пути к революции.

Мнения о работе Лазарева резко разделились. Отрицательно оценили «Русскую сказку» докладчики Г. Штурм и Н. Гудзий.

В прениях по докладу А. Митрофанова приняли участие также тт. Гроховский, Говно, Чернышев, Лузин, Абрамчик. Собственно говоря, трудно назвать выступления на этом заседании «прениями». За исключением отмеченных прений, почти все они носили несколько однообразный характер. В них почти полностью отсутствовала та деловая товарищеская критика, которая была характерна для большинства прошедших заседаний конференции.

Г. Штурм

Значительность начинания Л. А. Лазарева не подлежит сомнению. Попытка создать на материале национального фольклора эпопею о русском народе, о его поисках счастья, современная и не случайная. Она стоит в связи с общим массовым интересом к фольклору в нашей стране.

В повести «Охотник Аверьян» Тарасов показывает, как в результате того, что страна выросла, что первые нужды удовлетворены, люди захотели большего — не только избытка товаров, но и избытка хороших вещей (если можно так выразиться). Охотник Аверьян не знал, что можно не спать ночами, что можно бредить и мечтать, думая о любимой женщине. И вдруг его настала именно такая любовь, он переживает ее мучительно, радостно и страстно.

Н. Вильям-Вильмонт

Мне хочется поговорить, как раз о композиции первой части «Русской сказки». Ее признали слабойшей стороной произвольной поэмы Лазарева, тогда как озабоченно прав, говоря, что его работа — не сказка в обычном смысле слова.

В его творчестве есть недостатки, в которых следует говорить. Но что несомненно: перед нами художник с ясно выраженным темпераментом, со своим голосом, со своей особой складкой. Ошибочно утверждать, что у Тарасова слишком тихий голос для того, чтобы быть передовым художником, что в грохоте жизни, как говорит Ковалевский, его голос затеряется. Странно было бы размышлять над тем, чего нехватало Шопену, чтобы стать Бетховеном? Просто у них разные голо-

вова, как это бывает обычно при изображении подобных персонажей, оставаясь до конца совершенно неизвестным читателю. Таких произведений было много, и читатель уже привык среди открытий завет замечать «Фобана».

Дневник двенадцатого дня

Двенадцатое заседание конференции было необычным: обсуждалось первое, еще не напечатанное произведение Л. Лазарева «Русская сказка». Обсуждалась, собственно, лишь первая часть этой вещи, задуманной как широкая эпопея о русском народе, о его поисках счастья, о его пути к революции.

Мнения о работе Лазарева резко разделились. Отрицательно оценили «Русскую сказку» докладчики Г. Штурм и Н. Гудзий.

В прениях по докладу А. Митрофанова приняли участие также тт. Гроховский, Говно, Чернышев, Лузин, Абрамчик. Собственно говоря, трудно назвать выступления на этом заседании «прениями». За исключением отмеченных прений, почти все они носили несколько однообразный характер. В них почти полностью отсутствовала та деловая товарищеская критика, которая была характерна для большинства прошедших заседаний конференции.

Г. Штурм

Значительность начинания Л. А. Лазарева не подлежит сомнению. Попытка создать на материале национального фольклора эпопею о русском народе, о его поисках счастья, современная и не случайная. Она стоит в связи с общим массовым интересом к фольклору в нашей стране.

В повести «Охотник Аверьян» Тарасов показывает, как в результате того, что страна выросла, что первые нужды удовлетворены, люди захотели большего — не только избытка товаров, но и избытка хороших вещей (если можно так выразиться). Охотник Аверьян не знал, что можно не спать ночами, что можно бредить и мечтать, думая о любимой женщине. И вдруг его настала именно такая любовь, он переживает ее мучительно, радостно и страстно.

Н. Вильям-Вильмонт

Мне хочется поговорить, как раз о композиции первой части «Русской сказки». Ее признали слабойшей стороной произвольной поэмы Лазарева, тогда как озабоченно прав, говоря, что его работа — не сказка в обычном смысле слова.

В его творчестве есть недостатки, в которых следует говорить. Но что несомненно: перед нами художник с ясно выраженным темпераментом, со своим голосом, со своей особой складкой. Ошибочно утверждать, что у Тарасова слишком тихий голос для того, чтобы быть передовым художником, что в грохоте жизни, как говорит Ковалевский, его голос затеряется. Странно было бы размышлять над тем, чего нехватало Шопену, чтобы стать Бетховеном? Просто у них разные голо-

вова, как это бывает обычно при изображении подобных персонажей, оставаясь до конца совершенно неизвестным читателю. Таких произведений было много, и читатель уже привык среди открытий завет замечать «Фобана».

Дневник двенадцатого дня

Двенадцатое заседание конференции было необычным: обсуждалось первое, еще не напечатанное произведение Л. Лазарева «Русская сказка». Обсуждалась, собственно, лишь первая часть этой вещи, задуманной как широкая эпопея о русском народе, о его поисках счастья, о его пути к революции.

Мнения о работе Лазарева резко разделились. Отрицательно оценили «Русскую сказку» докладчики Г. Штурм и Н. Гудзий.

В прениях по докладу А. Митрофанова приняли участие также тт. Гроховский, Говно, Чернышев, Лузин, Абрамчик. Собственно говоря, трудно назвать выступления на этом заседании «прениями». За исключением отмеченных прений, почти все они носили несколько однообразный характер. В них почти полностью отсутствовала та деловая товарищеская критика, которая была характерна для большинства прошедших заседаний конференции.

Г. Штурм

Значительность начинания Л. А. Лазарева не подлежит сомнению. Попытка создать на материале национального фольклора эпопею о русском народе, о его поисках счастья, современная и не случайная. Она стоит в связи с общим массовым интересом к фольклору в нашей стране.

В повести «Охотник Аверьян» Тарасов показывает, как в результате того, что страна выросла, что первые нужды удовлетворены, люди захотели большего — не только избытка товаров, но и избытка хороших вещей (если можно так выразиться). Охотник Аверьян не знал, что можно не спать ночами, что можно бредить и мечтать, думая о любимой женщине. И вдруг его настала именно такая любовь, он переживает ее мучительно, радостно и страстно.

Н. Вильям-Вильмонт

Мне хочется поговорить, как раз о композиции первой части «Русской сказки». Ее признали слабойшей стороной произвольной поэмы Лазарева, тогда как озабоченно прав, говоря, что его работа — не сказка в обычном смысле слова.

В его творчестве есть недостатки, в которых следует говорить. Но что несомненно: перед нами художник с ясно выраженным темпераментом, со своим голосом, со своей особой складкой. Ошибочно утверждать, что у Тарасова слишком тихий голос для того, чтобы быть передовым художником, что в грохоте жизни, как говорит Ковалевский, его голос затеряется. Странно было бы размышлять над тем, чего нехватало Шопену, чтобы стать Бетховеном? Просто у них разные голо-

Творческая конференция московских писателей

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

А. Толстой

Позвольте мне обратиться к молодому писателю, который взялся за очень трудную тему — историю фольклора и приближения его к нашей современности.

Но раньше чем говорить о фольклорных, сказочных элементах в этом произведении, мне хочется сказать несколько слов о символизме.

Русский символизм, как литературное течение, идет от французских символистов, у которых он заимствовал приемы и форму. Французский символизм был заступником надруго защитник искусства против обязательности поэзии, которую считали буржуазия. С этой точки зрения даже «Малам Бовари» можно назвать произведением символизма.

Русский символизм рожден в ужасе перед революцией. Это совершенно другое дело. Я думаю, что вы читали интересную переписку Блока с Бельми. Мне особенно она была интересна, потому что в свое время я варился в этой литературной каше, но был на положении «маленького» — мне не сообщили о «самом главном». В переписке Блока с Бельми я нашел это «самое главное» символизма, о чем тогда было принято говорить, намекая, многозначительным подтекстом.

Русский символизм исповедывал мистическую идею дуализма, дилеммы мира: святая София и Астарта, Христос и Антихрист, мир идеальной (Платон) и мир реального, ограниченного (прохождение Незнакомки среди пьяниц с глазами кроликов) и т. д. Образы и символы символизма ставились у немецких романтиков, из античной мифологии, из Ницше... Символисты стремились расширить мир образов. Они призывали на помощь русский фольклор. Началось возрождение русского фольклора (у символистов), но уже совсем для других целей, чем у Пушкина и Гоголя.

Если вы будете читать Ремизова («Лимонарь», «Поселок», «Сказки»), Белого («Золото в лазури», «Симфония»), Блока («Волотный поиник») и др., вы поймете, что фольклор играл здесь служебную роль. Я думаю, мне рассказывали — совершенно по-серьезному — о поэте-мистике Эллисе, как известный в то время теософ Штейнер отрезал ножницами у него мистический хвост, в виде прозрачной вытянутой сферы, в которой кишела всякая нечисть. Вот что был фольклор для символистов, — он ничего не имел общего с идеями подлинного народного творчества, он служил для них костюмерной мастерской — и только.

Генетически Л. А. Лаазарев исходит в своем отношении русского фольклора не от Гоголя и не от Пушкина и даже не от Шеллина и Лескова, а именно от символизма.

Лаазарев ощущает язык так, как его ощущали символисты, то есть нарочито смешная возвышенный стиль, романтичную мистику, если так можно сказать, со стилием «подлым», обманчивой, даже

бульварщиной, с педантичным натурализмом.

Лаазарев, мне кажется, берет эту дилемму языка символизма непродуманно, просто, как стиль. И у него наряду с превосходным ощущением русского народного языка подается газетная бульварщина. Он думает, что это хорошо. Но мы уже 30 лет тому назад пережили эти приемы. Они осуждены, так как они более не служат целям нашего современного советского искусства.

Мы не должны возвращаться к такой эстетике. Вы, г. Лаазарев, задумали интересную вещь. Тема хорошая, но вы взяли для изображения не исправленное оружие. Вы хорошо чувствуете русскую народную речь. Вы любите русский язык, чувствуете его, понимаете. Но вы в нем пока еще пассивны. Восприняв его, вы его еще не творите, вы бросаете читателю пригоршню гряды великодушных народных образов, выражений, художественных формулировок, которыми так богат русский фольклор, но это еще не ваше, это еще не переработано в вас, и потому получается неестрота и часто на ваших страницах — мезанимская смесь.

Русская народная сказка сурова, лаконична. В ее форме, в ее стиле никогда нет лиризма. В ней отсутствует пейзаж. Но она наполнена пейзажем через музыку языка, через логику движения образов, действующих в нерасказанном пейзаже. Русская сказка символична, но символика в подлинном смысле слова. Ее символика — мифы, созданные народом, ее символика — опознанные процессы природы, ее символика — образы, олицетворяющие вековую борьбу народа.

Любопытно, что Баба-Яга русских сказок — это отзвук далекой борьбы матриархата с родовым патриархальным строем. Русская сказка символична, но символика в подлинном смысле слова. Ее символика — мифы, созданные народом, ее символика — опознанные процессы природы, ее символика — образы, олицетворяющие вековую борьбу народа.

Любопытно, что Баба-Яга русских сказок — это отзвук далекой борьбы матриархата с родовым патриархальным строем. Русская сказка символична, но символика в подлинном смысле слова. Ее символика — мифы, созданные народом, ее символика — опознанные процессы природы, ее символика — образы, олицетворяющие вековую борьбу народа.

УЛУГ-ЗОДА, Сулейман 'АБУНЕЛЛИ

Поэзия Таджикистана

Много веков назад на многолюдные восточные базары Самарканда, Бухары, Ургенча стекались десятки тысяч людей из различных стран, городов и сел. Здесь встречались: торговцы фарфором — из Китая, нефтяниками — из Византии, мечали — из Дамаска. На прилавках простелили яркие узорчатые ковры, затканые золотом, сбруя с тонким художественным рисунком и другие причудливые изделия. Все здесь кричало, смеялось, пело.

На одном из таких многолюдных самаркандских базаров в середине X века можно было встретить одетого в бедный халат и чалму слепого певца. Своим плачущим голосом, олухотворенным лириком и глубокой внутренней силой песен он очаровывал слушателей. Люди, забыв о делах, забывали и в упоении слезу о певце в далекие страны.

Этот слепой певец был таджик Абульхасан Рудаки из кишлака Рудаки, родоначальник таджико-фарсидской поэзии. Рудаки, по выражению одного восточного ученого, хотя и был лишен зрения, но глазами сердца видел весь мир и людей. Оны слепого поэта — это всепокоряющий гимн жизни, человеку и природе.

Прошло много веков. Уже давно стерт с скрижалей истории имена парей и мирров, по народ ведро хранит в своем сердце имя певца Абульхасана.

Последующие классики таджико-фарсидской литературы: Дакки, Ферузи, Абу-Али-Сино, Насыр-Хосроу, Омар Хайям и многие другие продолжали поэтические традиции Рудаки.

Творчество всей этой «могучей кучки» было глубоко народным. Подобно Рудаки, они ненавидели строй угнетения и горько сетовали на свою судьбу:

С глухими этиками, что мнят, будто они Музейрини, улейничей люди,
Ослум будь, ибо в этом обществе ослом будь.

Кто не осел, сечен неверным будет, — с презрением к тупоумным великомам и духовности воскалал величайший ученый поэт и философ таджик Абу-Али-Сино (Авиценна).

При определении национальной принадлежности великих таджико-фарсидских поэтов, некоторые ученые несправедливо поступают, ограничивая того или иного поэта географическими границами его места рождения. Во времена Рудаки, Ферузи, Насыр-Хосроу литературу совместно творили народы, говорившие на разных диалектах общеперсидского языка. У таджикского народа, как и у иранского, в одинаковой мере пользуется популярностью как Хафиз из Шираза, так и Камол из Хорезма, как Кявон Са'ди, так и таджик Дакки.

Советская поэзия Таджикистана, растущая на почве тысячелетней поэтической культуры, является законной наследницей и продолжательницей лучших ее традиций. Народность, высокая гражданственность — вот отличительные черты этой поэзии.

Старейшим таджикским поэтом является Садретдин Айни. Он скорее известен широкому кругу советских читателей, как прозаик — автор популярных романов и повестей «Духида», «Огана», «Рахлы», «Смерть ростошника». Но и как поэт Айни стоит в первом ряду таджикской литературы. В его произведениях, как поэтических, так и прозаических, впервые появился новый герой — дехкан-бедняк, приравненный в подавляющем и таком уже далеком прошлом системой социального гнета. Подлинный реалист, писатель большой культуры, испытывавший на себе все ужасы феодальной деспотии на Востоке, Айни ярко изобразил феодальное общество с его наскавом прогнившим паразитическим строем. В своих последних произведениях старый писатель талантливо рассказал о героической борьбе дехкан за колхозы.

Большое место в таджикской поэзии занимает Абульхасан Лахути. Его творчество, проникнутое глубокой идейностью,

пользуется большой популярностью не только среди таджиков Таджикистана, но и всего Советского Союза. Великолепный знаток таджикской и иранской классической поэзии, Лахути не пошел слепо по проторенным дорожкам старой поэзии, а создал поэмы, близкие нашей эпохе, формы. Если поэма «Борона и зная» написана им размером Ферузи, то стихи «Тарасу Шевченко» балада «Балитат» и ряд других произведений обогатили таджикскую поэзию формами, не известными старой таджико-фарсидской литературе.

Чрезвычайно богата тематика произведений Лахути: борьба против феодальных пережитков, против религии, разгром басмачества, любовная лирика, эпос сегодняшних дней — колхозное строительство в республике и его герои. Таких героев мы видим в поэме «Человек на железных погах». Энергичный большевик Корамов, бригадир Арф, тракторист Салям — это подлинно, яркие образы советских людей.

Кроме многочисленных поэм и стихотворений, Лахути написал либретто таджикской оперы «Кузнец Боя» и совместно с П. Бану перевел «Отелло» Шекспира.

Рядом со старшим поэтическим поколением идут молодые талантливые силы, великим воспитанием советской властью. Основные черты молодых поэтов — любовь к своей возрожденной родине, народность поэтического языка.

Наиболее «старым» из молодых является Мухаммад Рахими. Это талантливый поэт с своеобразным поэтическим голосом. Он начал печататься с 1919 г. Рахими творчески и плодотворно осваивает классическую литературу своего народа. У него богатый образный язык, нашавший особенно яркое свое выражение в последней книге его стихов.

Стихи Абульхасана Дехоти отличаются стройной композицией. Они прекрасны по прозрачности и отшлифованности формы. Это большое достоинство говорит о требовательности поэта к себе. Очень учены его рубайи на колхозные темы. Дехоти хорошо угадет нежный жанр. Песни его, в особенности «Песня о родине», очень популярны в республике.

Мирзо Турсун-Зола — талантливый лирик. Его стихи привлекают своей мелодичностью, плавностью, чрезвычайной мягкостью. Большой удачей Турсун-Золы и Дехоти является написанное им либретто оперы «Восстание Воез», отличающееся многообразием размеров и близостью к народной поэзии. Работа над этим либретто, сопровождавшаяся долгим и внимательным изучением национального фольклора, способствовала значительному творческому росту поэта.

Молодой поэт Мирсаид Миршакарлов отличается способностью находить свежие и оригинальные темы. Привлекает необычная для таджикских поэтов сюжетность его стихов. В этом отношении особенно достойна внимания его поэма «Золотой кишлак» и стихотворение «Родник рассказывает». Мирсаид Миршакарлов много пишет для детей. Его детские стихи, сказки, песни закладывают фундамент таджикской детской поэзии, в прошлом не существовавшей.

Самым молодым из поэтов является Халиб Юсуфи. Уже первые его стихи привлекали внимание своей задушевной и тонкой. Много работает юный поэт над переводами русских классиков. Поэтому не случайно в его последних стихах чувствуется влияние русской классической поэзии и в первую очередь Лермонтова («Песня казакской степи»).

Кровная связь с народом и народной поэзией, горячий патриотизм, любовное и пристальное изучение богатейшего наследия таджико-фарсидской, русской и западноевропейской литератур — все это является порукой тому, что таджикская советская поэзия, успехи которой неоспоримы, создаст в будущем еще не одно произведение, достойное своего народа, своего великого времени.

Сцена из четвертого акта балета «Две розы». Фото Ф. Кислова. (Фотохроника ТАСС).

В. ПОТАПОВ

Стихия танца

Сплошная стена год, точно снежным кушаком, опоясала горизонт. Насупленные, седые стражи тысячелетий, свысока смотрящие на мир, оценили его со всех сторон. Покрытые снегом хребты казались отсветной дорогой, и эта дорога шла от желтой земли к синеве неба: пойдешь кверху и обязательно чнешешься головой в застывшее облачко. Внизу солнце раскаляет камни и плавит песок, а на вершинах переливаются радугой и искрятся глыбы вечных, перестояемых льдов.

В Ура-Тюбе, у зеленого подножья вознесшегося к небу Мамира, нам с горькой собою сообщил хозбе здесь изречение: «Бто хоть раз побывал в этих краях, тот обязательно сюда вернется». Утверждение это совсем не местного происхождения, оно распространено по всему Узбекистану, по всей Таджикской республике, его можно услышать в Сталинабаде и в Андижане, у берегов Кара-Дарьи и Пянджа, и, главное, оно не лишено основания. В самом деле, кому выпало счастье бродить по барханам и долинам Средней Азии, на всю жизнь сохранит тяготность величавую и лукаво-загадочную природу с ее изменчивой гаммой цветов и самыми притупленными контрастами. Она не столько манит своим восточным гостеприимством и прелестью, сколько интригует своей откровенной и сложной неразгаданностью.

Таджики, повинуясь, — прирожденные художники и, как видно, омерзены стихией танца. Они наблюдательны к миру, и все, что видит, тапчуют, тапчуют под ногами, самое прихотливое в ритмическом отношении сопровождают, будь то игра (тип бубна) или взвизг шагаек, по самым невообразимым инструментам, вроде обыкновенных глиняных горшков, обтянутых кожей, на которых тапчущие сами себе аккомпанируют. Музыка зовет и обаяет людей. Когда над притихшей площадью восточного базара, словно жерло лупака, устрояются повисают выгнутое медные раструбы карнаев и звуки, напоминающие раскаты грома, раскаты и завывание зверей неохотно сотрясают воздух. — Пестрая толпа в халатах, как по сигналу горниста, сразу приходит в движение.

Зревшее оживленное и внушительное! Откуда-то похлынули рыжие, пясунки, холустики, и мигом все втнулось в веселье. Даже маленькие дети. Когда в театре выступают на сцену детки, смешно подлаживающихся под взрослых, то обычно этим прелестью гарантию детского успеха. Расположение публики обеспечено. Это не что иное, как «спекуляция возрастом». В таджикских танцах маленьким отама большая роль, но они всеяны здесь не на правах выигранный бутгафория, они выступают, как непринужденные и под-

порывные посланцы народа, для людей которого с самых ранних лет естественно потребность говорить не только словами, а еще движениями и поэзией.

Дети и взрослые одинаково склонны к интонациональному языку танца. Они в нем импровизируют, и он летает у них, как свободная птица серца. В движениях и пластикой люди рисуют лиричные образы и оригинально воспроизводят природу. Они подражают облакам, бурлящим из-за лобчии, они изображают змею, старающуюся ужалить в презрительном соизмерении. Они не гонятся за внешним сходством, а передают человеческий образ змеи, гибкой, обобщающей, но бессильной. Это не имитация змеи, а переживания человека, представляющего себя змеей.

Вид, например, животного смысла ноги, распускающегося и вскоре уводящего цветка. Здесь аналогия с неодолимостью лезвиего счастья. Девушка опущается на колени, верхняя часть корпуса гнется и стелется по земле, корпус — стельба, а руки, мягкие и чуткие ко весому, руки с послушными пальцами — нежные лепестки. Вот девушка встала и завертелась в отчаянии, а потом снова упала на землю, и тихие всплески рук завершили картину смерти. Ее настроению молчаливо «аккомпанирует» удерженность скупенной и допущенной голы рабыни. У них свой танец. Медленно покачиваются плечи, ладони вопрошают простерты вперед, и в каждом трогательном или резком движении плеч, головы или рук как бы слышен тяжелый вздох. Это рассказ о подневольной жизни.

Звери, птицы, деревья, цветы... От тавещ-наблюдений люди приходят к таким чувствам, где искусство вовсе не берет быть иллюстрацией. Человек воспроизводит образующую его природу в свете и в мажорах своей собственной природы. В этом и есть его мироощущение. Танцы дают разные интонации, разные оттенки чувств. Радость, грусть, высокомерие, кокетство, а то и просто... «третет». Волнуются и дрожат руки, вместе с широкими рукавами платья, и по-разному отзываются при каждом повороте корпуса. Создана тонкая и гармония в движениях разных частей тела присущи таджикскому танцу. Они не сразу выступают в танец, а постепенно, и порою у каждого из них своя особая мелодия. Мелодии и слышатся и скрепляются.

Танец, как поэзия, и таджиком с их многовековой культурой ведро тапчовальное «многоголосое», с затейливыми контрастностями, не менее изощренными, чем в европейском балете (тут позавиднее совпадают многие «ша»). Но главное в искусстве Востока — это заветное мастерство кисти, равного которому Запад не знает. Руки цветут красивые узоры, руками человек как бы раскрывает свою душу.

Гармоничные влияния привели тонким плавную томность и негу, когда искусство из сердечного открытия любви становится из выискивания ритуалом, и жизненно необходимое делается экзотическим украшением. Таджикские артисты возвращают танцы к их изначальной жизненной стихии. Балет «Две розы» познакомил нас, хотя не очень щедро, с образами их несметного богатства. Я не пишу рецензии о спектакле и потому не буду останавливаться на музыкале, на целостности либретто, которое явилось поводом к тапчовальному инверсменту. Вышла сцена народных плясок. Они спенчески преобразены, и тут надо отметить должное такту, вкусу и выучке балетмейстера К. Голубовского. Но в них нет симфонического развития — любой момент изъять и сколько угодно можно прибавить. Приля в балет, танцы не обели новой и обязательной для них функции, они еще не стали средством характеристики человеческих взаимоотношений, они не деляют действие.

Пусть театр примет его как пожелание, которое он вполне в силах осуществить своими чудесными артистическими возможностями. Как не поблагодарить стью сто лет мечтают об «испанских балетах» с их стремительными поэзиями, обжигающим пламенем, шелкающими кастаньетами, народной пластикой и пиришеством красок. Но вот приехали таджикские артисты и показали всем, что их искусство располагает в избытке всеми этими заманчивыми свойствами. Умей их только по-настоящему использовать. Как не упомянуть о художнице В. Рындиной, которая улеяла горными просторами и зелеными пейзажами Таджикстана, всеми его строгими контрастами! Спектакль как бы вернул нас на три часа в Таджикистан, а у тех, кто с ним не знаком, вызвал желание ближе и подробнее его узнать. В тапках «Лоды» и «Лух роз» видел народ, его дух, его природу, его поэзия, и это — самое в них ценное.

В Государственном издательстве «Художественная литература» в ближайшем время выходит массовым тиражом «Креничкин» Анатоля Франса. Книга богато иллюстрирована. На снимке: три иллюстрации Т. Стайниена, гравированные на дереве советскими мастерами.

В. ФОМЕНКО

КНИГИ О ФРУНЗЕ

Писать о человеке, еще при жизни которого в легендах, очень трудно. Автор неминуемо в таком случае вступает в соревнование с могучим «противником» — народной фантазией. И если у него не хватает дарования воспроизвести сложившийся в представлении народа опознанный образ, самое добросовестное знание фактического материала и умение связать его воедино полной победой не принесет. В подобном положении оказался С. Борисов. Его книга «Фрунзе» бесспорно полезна, поскольку сообщает обширные сведения о жизни замечательного человека. Все, что связано с именем Михаила Васильевича Фрунзе, бесконечно дорого нам и интересно. Читатель с благодарностью прочтет биографию любимого полководца, отыскивая в ней новые факты. Когда он узнает, например, как школьник Миша Фрунзе увлеклся Тимуром, как будучи уже взрослым, Михаил Васильевич назвал своего сына именем древнего завоевателя, к числу известных деталей биографии присоединяется еще одна, ранее, возможно, неизвестная.

Обилие фактических данных — это, однако, только одно из требований, предъявляемых читателем к подобным книгам. Второе — не менее важное — яркость изложения. Не обязательна беллетристика. Навряд ли она нужна даже в такой богатой драматическими событиями биографии, как биография Фрунзе. В самом деле, нужен ли домисел в изображении подполковника «Арсения», когда любви, восторг на выбор эпизод из жизни блестящего конспиратора, профессионала-революционера Фрунзе превосходит фантастичность приключенческих романов?

Человек в камере смертников прележно звучит английским языком — трудно было бы этому поверить в беллетристическом произведении. А ведь это факт. Молодой Фрунзе действительно в ожидании казни часами просиживал над английской грамматикой и даже... сочинил стихи. И когда автор упоминает об этих фактах, поневоле зарождаются развожорание и сомнение в его способности должным образом воспользоваться находящимися в его руках благодарным материалом, чтобы образовать такого человека, как Фрунзе, приобрела черты художественного произведения.

Л. Н. Толстой советовал не пренебрегать даже такой деталью, как подотростившаяся пугачика, когда она сможет осветить знаменитую сторону жизни данного лица. И тут же предостерегал, что изображение деталей полезно в искусстве, если «направлено исключительно на внутреннюю сущность дела». Иначе — это частность и пустячок, отвлекающие внимание от главного. У С. Борисова порой даже существенные детали теряют свое обязательное значение, когда они художественно не одухотворены. Бесплодность авторского текста особенно заметна при неуклюжем сопоставлении со словами самого Фрунзе, полными силы и литературного блеска. Несправедливо от С. Борисова, ставившего перед собой, по всей видимости, очень скромную задачу, требовать подобной силы образности и совершенства слова. Но стремление приблизиться к нему было бы вполне закономерным. И там, где он в той или иной мере достигает этого, книга читается с воодушевлением. Нельзя, например, равнодушно читать страницы, где описаны свидание с сестрой и развожорение Ахунжана, встреча с Воропильным, появление Чанаяна, разговор с командирами 25-й дивизии...

Естественно, что основное место в книге С. Борисова занимает описание и разбор военных операций. Свободство и история гражданской войны читателю они дают сравнительно немного. В частности, глава, посвященная победе над Врангелем, — самому блестящему периоду полководческой деятельности М. В. Фрунзе, — не выходит за пределы того, что в разное время было напечатано в периодической прессе. При всем этом систематическое описание разгрома армий «черного барона» представляет для молодежи несомненный интерес, позволяет ознакомиться с выдающимися в военной истории подвигами Красной Армии. Приходится, правда, вновь пожалеть, что существование врангелийской войны читателю они дают сравнительно немного. В частности, глава, посвященная победе над Врангелем, — самому блестящему периоду полководческой деятельности М. В. Фрунзе, — не выходит за пределы того, что в разное время было напечатано в периодической прессе. При всем этом систематическое описание разгрома армий «черного барона» представляет для молодежи несомненный интерес, позволяет ознакомиться с выдающимися в военной истории подвигами Красной Армии. Приходится, правда, вновь пожалеть, что существование врангелийской войны читателю они дают сравнительно немного.

Естественно, что основное место в книге С. Борисова занимает описание и разбор военных операций. Свободство и история гражданской войны читателю они дают сравнительно немного. В частности, глава, посвященная победе над Врангелем, — самому блестящему периоду полководческой деятельности М. В. Фрунзе, — не выходит за пределы того, что в разное время было напечатано в периодической прессе. При всем этом систематическое описание разгрома армий «черного барона» представляет для молодежи несомненный интерес, позволяет ознакомиться с выдающимися в военной истории подвигами Красной Армии. Приходится, правда, вновь пожалеть, что существование врангелийской войны читателю они дают сравнительно немного.

Вести есть такое место. Соратники Фрунзе — Суров, Батурин, Фурманов, Бочаров — ведут беседу о своем руководителе. Люди неробкого десятка, они с трудом подбирают слова, чтобы выразить восхищение безграничным командармом. Литературный прием? Возможно. Ведь это по-прежнему, — и никакой прием не запрещен, если он дает возможность правдиво изобразить жизнь. Каждая деталь получает яркую окраску в рассказе от третьих лиц.

«Полуоткровенная лживость» — обобщительный и истоничком немалых душевных мух... Почти каждого бойца лично по имени и отчеству знает — каково терять будет!.. Подполье научно пенить соратников. Оно же научило почти интуитивно угадывать друзей, быстро опенять и развивать заложенные в людях способности. В. Лебедев неоднократно подчеркивает умение Фрунзе подыать людей, безошибочно угадать, на что они способны. Умение перестраивать в искусство управлять сложным армейским механизмом. Старые военные традиции подпольщика остались верными спутниками и на военном поприще.

Война — дело двустороннее. Умыслы трезвы — могут сказать нам. Да, старая, со времен мальчишеских игр известная всем истина. Но если писатель, изображающий сражение, хоть на мгновение забудет о ней, картины сражения не получится. Воевать с воображаемым противником можно на манерах, да и то односторонних.

С. Борисов характеризует противников Фрунзе — белые армии — как бы мимолетно. Оттого его книга и производит впечатление неполноты, а боевые операции кажутся нарочитыми, как бы описанными с манером.

Вести есть такое место. Соратники Фрунзе — Суров, Батурин, Фурманов, Бочаров — ведут беседу о своем руководителе. Люди неробкого десятка, они с трудом подбирают слова, чтобы выразить восхищение безграничным командармом. Литературный прием? Возможно. Ведь это по-прежнему, — и никакой прием не запрещен, если он дает возможность правдиво изобразить жизнь. Каждая деталь получает яркую окраску в рассказе от третьих лиц.

«Полуоткровенная лживость» — обобщительный и истоничком немалых душевных мух... Почти каждого бойца лично по имени и отчеству знает — каково терять будет!.. Подполье научно пенить соратников. Оно же научило почти интуитивно угадывать друзей, быстро опенять и развивать заложенные в людях способности. В. Лебедев неоднократно подчеркивает умение Фрунзе подыать людей, безошибочно угадать, на что они способны. Умение перестраивать в искусство управлять сложным армейским механизмом. Старые военные традиции подпольщика остались верными спутниками и на военном поприще.

Война — дело двустороннее. Умыслы трезвы — могут сказать нам. Да, старая, со времен мальчишеских игр известная всем истина. Но если писатель, изображающий сражение, хоть на мгновение забудет о ней, картины сражения не получится. Воевать с воображаемым противником можно на манерах, да и то односторонних.

С. Борисов характеризует противников Фрунзе — белые армии — как бы мимолетно. Оттого его книга и производит впечатление неполноты, а боевые операции кажутся нарочитыми, как бы описанными с манером.

Микаэл Налбандян

На одном из крупных политических процессов 60-х годов прошлого века, на так называемом процессе 32-х, вместе с замечательным русским революционером Серго-Соловьевичем и другими судился крупный армянский писатель-публицист Микаэл Налбандян.

Впервые в истории русского революционного движения и политических процессов в России представлял угнетенного армянского народа выступил на всероссийскую революционную арену. Это было знаменательным явлением наступавшей новой эпохи в России, началом революционного союза армянского народа с великим русским народом.

В 1911 г. в связи с 60-летием крестьянской реформы 61-го года, Ленин писал: «19-е февраля 1861 года знаменует собою начало новой буржуазной России, вырвавшейся из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций и двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию».

Глубочайшая характеристика, данная влесь Лениным эпохе, целиком относится также и к Армении, так как судьба армянского народа с начала XIX века тесно связана с судьбой России.

В истории армянского народа Микаэл Налбандян явился пионером, представителем и главой направления, именуемого Лениным направлением Чернышевского, т. е. революционно-демократического направления, почему и армяне называют часто Налбандяна армянским Чернышевским.

Богат и поучителен жизненный путь Налбандяна. Он родился в 1829 г. в г. Нахичеване (Ростов-на-Дону) в семье кузнеца. Даровитый и трудолюбивый, остроумный мальчик, с блестящей памятью, он был любимцем своего учителя Габриэла Паткояна. Школьную учебу Налбандян закончил в 1846 году, с закрытием школы по распоряжению армянского патриарха Нерсеса Аптаралского. 16—17-летним юношей он в Нахичевани уже считался анатомом армянского языка, историком литературы и принимал активное участие в общественной жизни города. Сперо Налбандян стал вдохновителем борьбы демократических элементов Нахичевани с хозяевами города — богачами-землеладельцами и с их опорой — духовным деспотом Аптаралским. Последний, узнав в Налбандяне будущего опасного врага церкви и духовенства и возбудителя народного негодования, решил круто расправиться с ним. Будучи в очень тяжелых отношениях с кавказским местным князем Борозновым, он добивался ареста Налбандяна. Налбандян вынужден был удалиться из Нахичевани.

С 1853 года Налбандян в Москве. Здесь он сначала преподавал армянский язык в Лазаревском институте, но затем его от преподавания отстраняют. Он занимается вольнослушателем медицинского факультета Московского университета.

В течение нескольких лет второй половины 50-х годов в окружении передовой группы московского студенчества он кроме естественных наук усердно изучает великую русскую литературу — Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, а также крупнейших европейских мыслителей и под их революционизирующим влиянием решительно перемещает господствующее в то время взгляды на прошлое и настоящее армянского народа и армянской литературы.

Основную причину общественной отсталости и темноты армянского народа Налбандян видит в отживших свой век, но пока продолжавших господствовать во всех областях жизни средневековых порядках. Единственный возможный выход из этого положения, по его мнению, это — объединение всех истинных патриотов для беспощадной войны за свободу и просвещение народов.

Налбандян мечтал о журнале, который собрал бы вокруг себя всех молодых друзей армянского народа, стал бы боевым органом армянского просвещения. Он сам не имел ни средств, ни права на издание журнала. Самый подходящий человек, на которого он мог опереться, — был Назарян. После долгих хлопот, с января 1858 г. они начали издание знаменитого «Юсисапайла» («Северное сияние»). Редактором журнала был Назарян, а главным сотрудником Налбандян.

На страницах «Юсисапайла» Налбандян сразу показал себя как вполне армянский, высокоталантливый публицист, писатель, поэт. Он открыл новую главу в истории армянской литературы и общественной мысли.

Вопрос о новой литературе, отражающей жизнь и стремления народа, на новом, понятном народу литературном языке, был первым программным вопросом журнала. Разгоревшаяся вокруг этого вопроса острая борьба отразила столкновение коренных интересов реакционной армянской церкви и духовенства с интересами народа.

В первых же номерах «Юсисапайла», выступая с программными статьями о народном просвещении и о направлении и развитии языка и литературы, Налбандян категорически отвергает вмешательство церкви и духовенства в эти области народной жизни и решительно заявляет: «...Литература, которая проповедует сучужество, во всем отрезана и совершенно отслезана от народа, она не является духовным выражением нации. Литература, которая не связана с народом, которая не имеет ни корней, ни вразумительных витиев, в которой, как в бесплодных ветвях, не видна жизнь, не видны точильные орудия, известные за выражение, такая литература подобна религиозности неуютно».

Кроме публицистики, Налбандян писал стихи, романы, критические статьи. Исследования и во всех областях и в литературе оставалась тем же непримиримым противником средневековой отсталости. Криво невидимым духовным и светским обкуривающим и мракобесам, страстным проповедником правды и свободы, искренним и пламенным защитником интересов народа.

В результате решительной позиции, занятой Налбандяном, он быстро становится центром обостряющейся борьбы. Прогрессивные элементы симпатизируют и поддерживают его, а враги с бешеным напором. Они пускают в ход решительно все, начиная от журнальной ругани и слепых и кончая доносами в треть

отделение. Чтобы заглушить звон колокола армянского возрождения, они добивались закрытия «Юсисапайла» и ареста Налбандяна. В ответ на эти махинации Налбандян пишет:

Пускай дельфийский прорицатель Уксос, Беснуясь на тревожные своем, Пытается тешно обмануть народ И темной мысли покорить старость. Пусть проповедует близ волн морских Пусть тешится парадом лживых фраз, К свободе призываем мы людей, Лишь это слово на устах у нас.

(Перевод В. Звягинцевой)

С марта до сентября 1859 г. Налбандян путешествует по Европе. Знакомство с прогрессивными сторонами жизни европейских стран, с литературной борьбой, развивающейся в сравнительно демократических условиях, расширяет кругозор Налбандяна и способствует углублению его радикализма и демократизма, что с большой силой выражено в знаменитых стихотворениях «Свобода» и «Дни детства».

Осенью 1860 г. он снова едет за границу. Сначала посещает Константинополь. Здесь он общается с группой своих единомышленников и печатает в местной армянской прессе статьи, в которых затрагивает острые вопросы тогдашней жизни константинопольских армян. После этих статей реакционная печать поднимает вой в защиту якобы возмущавших прав армянской церкви и духовенства. Налбандян отвечает им уже из Парижа замечательной брошюрой «Две строки», которая от начала до конца пронизана духом нарастающей крестьянской революции в России и является настоящим шедевром публицистики.

Это произошло уже в апреле 1861 г., после парижского манифеста. Налбандян имеет возможность с помощью передовой европейской печати хорошо развиться в социально-политическом смысле царского манифеста. Как бы отключаясь на него, он пишет в своей брошюре: «Мы доблестно посвящали себя защите прав простого народа... угнетенный народ вполне справедливо привлекает наше внимание, и мы без какого-либо колебания посвящали ему все свои силы... и вплоть до последнего предела не будем стремиться ни торжеств, ни сдаться. Не только словом и пером, а также оружием и кровью, если в один прекрасный день будем удостоены чести взять оружие в свои руки, мы будем защищать проповедываемую нами свободу, охватив ее нашей кровью».

В начале 1862 года Налбандян знакомится с тесно связанным с лондонской группой пропагандистов. Этот знакомство начинается посыл и самая замечательная страница в книжке «Серго-Соловьевичу Огарев так отзывался о Налбандяне: «Налбандян — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости...» Герцен в том же письме добавляет: «Ждетесь, речь идет о нашем себешавшем восточном приятеле, поклонитесь ему, это прелестнейший человек, скажите ему, что мы помним и любим его».

С января по май 1862 года Налбандян часто наезжает из Парижа в Лондон. Он связывает своих константинопольских единомышленников с Лондонской группой, создает озорный пункт для революционно-политической и пропагандистской деятельности в Турции.

В это же время Налбандян под псевдонимом Симеон Малекян пишет и издает в Париже свой главный труд «Земледельцы как правительный путь». В небольшой книге автор излагает свои взгляды на основные социальные вопросы современности. Он трюнкует их с точки зрения материализма Фейербаха в интерпретации «русских фехербахцев» Герцена и Чернышевского.

В этой книге Налбандян впервые в армянской печати показывает, что богатство в современном капиталистическом обществе, например, в Англии, основано на выдвиге и наугрызании народа, что безработица является органической чертой этого общества, что интереса кучки крупных капиталистов и постоянных или притворных противников интересов народа.

С точки зрения революционного демократа Налбандян разоблачает военно-феодалный характер государственной системы русского царства, показывая, что царизм основан на варварском угнетении и эксплуатации многомиллионного русского народа и предвещает другие народные революции. Реформу 1861 г. Налбандян решительно осуждает, как свободу дождливую. Подробно останавливаясь на крестьянских волнениях после реформы, Налбандян грозно заявляет: «Это дикородящее и напряженное состояние не может продолжаться долго... Раб тотонор разрешит вопрос. Это время очень приближается и больше, чем полагать».

В мае 1862 г. Налбандян возвращается в Россию. Он должен был организовать революционную работу на Кавказе и в Турции. Но едва он успевает связаться с русскими революционерами, как четырнадцатого июня его арестовали и посадили в Алексеевский рваелин Петропавловской крепости. Налбандян сидел в Петропавловской крепости почти три года. Ему было разрешено заниматься литературной работой, и он писал упорно и непрестанно. Его письма из тюрьмы показывают, что он работал над философскими, естественно-научными, эстетическими, критическими, лингвистическими и агрономическими вопросами. Здесь он и написал свою критическую статью о романе армянского балетиста Перша Прошьянца «Сос и Вартереса». В ней он выступает как последователь школы Белинского, Чернышевского и Добролюбова, обосновывая закономерность парализации критического реализма в армянской литературе и намечает пути его дальнейшего развития.

Слабый организм Налбандяна не смог долго выдержать тяжелых условий жизни в Алексеевском рваелине. Летом 1865 г. онемев вышел из Петропавловской крепости, по его собственным словам, «снн живым, ни мертвым». 31 марта 1866 года он умер в ссылке, в городе Камышине, Саратовской губернии.

Родственникам Налбандяна было разрешено везти его тело и похоронить в городе Нахичевани. Тысячи людей собрались на берегу Дона встречать тело Налбандяна. По рассказам свидетелей, похороны Налбандяна вылились в невиданный демонстрация народной любви к писателю-революционеру, замученному царизмом.

Государственный еврейский театр постановил пьесу М. Лермонтова «Испанцы». На снимке: Ю. Минкова в роли донны Марин (слева), М. Шидло в роли Моисея, З. Нарчери в роли Сары и Н. Сиротина в роли дочери Моисея Ноэми. Фото Б. Блехерова.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПОЭМЫ РУСТАВЕЛИ

«Если Грузия успела, то благодаря силе поэзии Руставели». Это гиперболическое высказывание известного грузинского поэта, романтика XIX века — Вахтanga Орбелиани характерно подчеркивает благоговение грузинского народа перед величайшим поэтическим гением Грузии.

Несмотря на то, что зово блещет поэт Руставели и что его гениальная поэма «Витязь в тигровой шкуре» переводится на русский и европейские языки еще с XIX века, все же нужно отметить, что Руставели еще неизменно для других народов, что он остается в своей грузинской славе, потому что до сих пор в большинстве переводов не ощущалось изумительного ритмического разнообразия Руставели, его непревзойденной виртуозности, «чуждого жар» его стиха, его ослепительное вечно свежим благоуханием величия.

Еще в 1833 г. русский журнал «Телескоп» писал:

«Когда бы кто-нибудь из современников посетил себя на изучение грузинского языка и познакомил бы нас с литературой сего народа, то оказалось бы много драгоценных приобретений».

Увы, этот призыв остался «глазом вопиющего», и по бездействию, что все переводы «Витязя в тигровой шкуре» сделаны по подстрочнику (кроме перевода Г. Гатарева), а такой способ перевода, разумеется, мешает переводчику свободно выскочить в природу переводимой речи, в мастерство национального гения Грузии. Этим и объясняется, что большинство переводов Руставели, особенно европейские, лишены жизнестности, в них не ощущается биния пудсы Руставели, его вулканической злости (обязанком стоит блестящий перевод на украинский язык М. Балаба, да и перевод К. Балмактаи имеет свои большие поэтические достоинства).

Новый же перевод проф. Ш. Пупубизе, безусловно, является крупным литературным событием. Пупубизе восполнил пробелы своих предшественников в этом деле.

Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре». Поэма в стихах. Перевод с грузинского Шала Пупубизе. Редакция Сергея Городецкого. Изд. «Художественная литература». М. 1941 г.

М. АДИКАЕВ

У семи составителей...

Еще Бюкна Прутков советовал не спешить доверять тому, кто хотя бы один раз сказал неправду. «Видно, что выманили, что тебе поверит?» — спрашивало вопрошала автор знаменитых афоризмов. О пупубизе зовут, видимо, ли разу не вспоминали составители поданье выпущенного путеводителя «По лермонтовским местам» (изд. Литературного музея).

Этот своеобразный путеводитель на первый взгляд выдался весьма солидным. Заманчиво озаглавлена открывающаяся его статья: «Методы краеведческой работы в деятельности центральных музеев». Здесь, между прочим, выражена твердая по, как мы сейчас увидим, преждерживаемая уверенность в том, что подобные путеводители, «будучи издаваемы в достаточно большом количестве», «организуют целый поток туристов по ознакомлению с прошлым и настоящим» нашей страны. Даже следует общий очерк жизни и творчества Лермонтова, затем — статьи о лермонтовских местах в Тарханах, Москве, Петербурге, на Кавказе. Книгу заканчивает список литературы о Лермонтове, о Кавказе.

Все это очень хорошо, пока знакомимся с оглавлением. Но вот мы начинаем перелистывать книгу. Ее не знает, что Лермонтов окончил юнкерскую школу в 1834 г., что именно с этого года началась его самостоятельная жизнь? До сих пор никто в этом не сомневался, пока пупубизе не сказал свое веское слово: оказывается, поэт окончил школу уже после ссылки на Кавказ — в 1839 г. Эта «ошибка» лата фигурирует в книжке дважды (стр. 107 и 108). В одном месте мы проходим мимо того, что десятилетний Лермонтов написал стихотворение «Гордилка» (стр. 43). В другом месте (стр. 28) читаем, что Лермонтов познакомился с лекарием Лермон в 1837 г., хотя сам Лерер утверждает, что это произошло тремя годами ранее. Если верить пупубизе, то воспитателем Благоуородного пансиона, в котором учился Лермонтов, называл журнал «Утренняя заря». По мнению Пруткова, не будет догверны: это был домашний журнал, не имевший отношения к пансиону.

Если один из авторов путеводителя полагает, что стихотворение «О полно извинить разврат» обращено, видимо, к Пуджаеву (стр. 18), то другой уже утверждает это категорически (стр. 65). На самом же деле это далеко не установленное, кому адресовано это загадочное стихотворение. На стр. 80 можно прочесть, что в 1836 г. «у Лермонтова связаны с

де и, олов сложнейшие трудности, суме дать перевод, предельно близко стоящий к тексту оригинала, отвечающий литературно-художественным требованиям. Главная ценность перевода Пупубизе состоит в том, что он максимально близок к тексту оригинала. Желая передать подлинное ощущение, поэтические достоинства Руставели, Пупубизе не поспался, чтобы показать читателю ритмическое разнообразие стиха великого поэта, его богатую малевность, сочетание различных тактов, путем соблюдения мажорного и минорного звучания «шпаяри», что не имело в виду прежними переводчиками.

Проф. Пупубизе передает богатые аллитерации, коллосаны, в которых Руставели доходит до невероятной виртуозности. Нужно особо подчеркнуть преодоление переводчиком почти непобедимого затруднения — передачи руставелинских «маджам», т. е. строч, рифмованных на омонимы.

Проф. Пупубизе в пределах своих возможностей сохранил гибкость и емкость руставелинских строч, ее выразительность, стремительность и сжатость, поскольку ему позволили рамки перевода.

По сест и некоторые пометы в переводе, которых трудно было избежать при исполнении такого исполнителю труда (например, лично мне кажутся по совсем четкими строч: 56, 75, 188, 196, 204; а также «маджам» в строч 495).

Особо нужно отметить коррективы проф. Пупубизе к тексту Руставели. С большой, свойственной ему художественной интуицией и знанием подлинника, он очень талантливо исправляет некоторые искажения, неточности и ошибки, допущенные переписчиками.

Гениальная поэма уже сделается теперь достоянием всех народов нашей социалистической родины и всего переводов человечества. Новый ее перевод, сделанный с огромной любовью к Руставели и юбросностью настоящего ученого, безусловно, будет способствовать серьезному изучению творчества величайшего грузинского поэта народами нашего Союза. Вполне понятен поэтому тот широкий отклик, с которым встречает наша общественность труд проф. Пупубизе.

Москвой тяжело переживания». Через страничку тот же автор, выискивая не сумевшись, пишет: «Лермонтов, как всегда, легко и приятно в Москве».

Составители ничего не сделали для того, чтобы учесть в своей работе те первые данные о Лермонтове, которые найдены в последние годы. Так, по старинке они считают, что первым его выключенным произведением была поэма «Хаджи Абрек», хотя теперь известно, что Лермонтов полагался в печати гораздо раньше.

Намереваясь руководить и «путеводитель» читателями, авторы совершенно бесцеремонно обращаются с текстами и названиями. Им ничего не стоит приуменьшать значение стихотворения, которое никак не озаглавлено («Прощай, вымгата Россия» названо «Прощанием»); написать «Госпиталь» вместо лермонтовского «Госпиталь»; привести цитаты «на память». Грубые искажения в стихах Лермонтова допущены на страницах 30, 68, 85, 101. Неважно названо состояние Добролюбова (стр. 35). Вместо пушкинского «души высокие покрываю» читаем: «души высокие покрываю» (стр. 108) и т. п.

Словом, несерьезный путеводитель издал Литературный музей! На каждом шагу — разрозненные сокращения. Еще один вид сокращений — кривые строчки, Гибель Лермонтова — это «органическое звание» поэта самодержавно-крепостнической николаевской России» (стр. 37); Лермонтов «обнадежит взглядом пронаметленных темных глаз» (стр. 67); «на этой неземной фигуре, на прекрасном лице прилежались внимательные глаза» (стр. 80). Как видим, путеводителем по русскому языку издал Литературного музея случится никак не может.

Мы не знаем, что сказал бы Бюкна Прутков по поводу всего этого. Вероятно, он прибавил бы еще один хороший афоризм к ранее выписанным. Но мы сомневаемся в том, что путеводителем Литературного музея суждено организовать «целый поток туристов по ознакомлению...» Не вернее ли будет туристам обойтись без путеводителя?

В заключение хочется отметить одно мелкое обстоятельство. Помимо семерых (ровково чина!) составителей, в книжке обозначены еще имена ее редакторов: главного, обыкновенного, ответственного, технического и, сверх того, еще редактора-рецензента. Нельзя не показать, что в этом изрядном перечне недостает еще одного — рабочего редактора.

Библиография

«ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ»

Брошюра Е. Усиевич — яркий публицистический очерк жизни и творчества выдающейся советской писательницы.

Автору удалось показать самые основные, самые ценные качества Ванды Василевской — глубочайшую народность ее творчества, органическое единство ее писательского и человеческого облика.

Осознав в себе талант литератора, Василевская сразу же поставила его на службу революционной борьбе, которой она отдалась со всей свойственной ей страстью еще на студенческой скамье. Когда рабочий-революционер Богатко (муж писательницы), рассказывает Усиевич, не мог найти ничего подходящего для художественного исполнения в вечер 1 мая, «Ванда Василевская села за работу. В течение нескольких дней она приготовила для вечера скэтч, стихи для хоровой декламации, стихи для индивидуальной декламации, первомайский спектакль, — словом, все программно». Затем последовали очерки, материал для которых служили наблюдения над жизнью краковской бедноты. Из этих очерков, в сущности, и родилась первая книга Василевской — «Облик дня».

Характеризуя особенности реалистического таланта Ванды Василевской, Усиевич показывает, как в ее творчестве органически сочетаются абсолютная объективность и правдивость повествования с открытой тенденциозностью бояра,

проникнутой гневным протестом против строя насилия и лжи.

Книжка Усиевич по-хорошему полемична. Автор с горячей убежденностью доказывает правильность пути тех писателей, которые, подобно Василевской, рассматривают свое творчество лишь как одно из средств борьбы против угнетения и унижения трудящегося человечества. «Для нее (т. е. Василевской), — пишет Усиевич, — удачно написанная книга — то же самое, что удачно проведенная и победоносно завершенная забастовка. Это покажется странным тем писателям, которые провозглашают устно и письменно, что больше всего на свете надо любить слово, литературу, что лишь в такой любви могут возникнуть великие произведения искусства. А между тем, вся история литературы показывает, что права Ванда Василевская, а не они. Все великое в литературе было создано людьми, которые писали не для того лишь, чтобы создать прекрасное произведение искусства, а для защиты и утверждения идей, выдвигаемых страданиями и борющимися человечеством... Стремясь как можно яснее, убедительнее, полнее выразить свою идею... такого рода писатели создавали и прекрасные художественные формы».

Прочитав книжку Усиевич, понимаешь, что Ванда Василевская, не случайно оказалась сейчас в рядах советских писателей. Весь ее писательский и жизненный путь закономерно вел ее к нам, в ряды строителей коммунизма.

М. МИШИН

ДВА РАССКАЗА Мих. СЛОНИМСКОГО

В издательстве детской литературы вышли две книжки Мих. Слонимского — «Ночной адъютант» и «Лесник». Тема первой из них — героическая борьба Красной Армии с белофиннами. Эта тема предоставляет широкие возможности для создания увлекательного повествования. А о воспитательном значении такой темы и говорить нечего. Книжка, однако, не вполне удачна.

Автор рассказывает о нескольких интересных и запоминающихся эпизодах, но объединяет их совершенно необязательным сюжетом: насколько необходимым для повествования старшина Полиданов, совершающий на фронте ряд героических подвигов, настолько случается в рассказе второй его герой — сын Полиданова — Коля. Создается впечатление, что он понаблюдает автору лишь для придания своеобразной «детскости» всему повествованию.

Превращение отца в детского восприятия из «главного труса» в «главного героя» неправдоподобно, так как с первых страниц книги читатель вовсе не верит в трусость Полиданова. Поэтому всемерное старание автора разуверить читателя в мнимой трусости отца Коли вызывает чувство некоторого недоумения. То, что у взрослого читателя возбуждает недоверие к закономерности и психологической правдивости повествования, у ребенка легко может вызвать

Мих. Слонимский. «Ночной адъютант». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940 г.

Мих. Слонимский. «Лесник». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940 г.

просто утрату всякого интереса к «мальчику Коле», который так неумоимо обвиняет своего отца в трусости лишь за то, что тот отказывается перейти улицу во время безостановочного движения автомобилей.

Автор подробно объясняет ребенку причины и цели борьбы с белофиннами, рассказывает о бедственном положении финского народа, о доблести и дисциплинированности бойцов РККА. Но дидактический тон этих объяснений утяжеляет рассказ, и все рассуждения автора не могут запечатлеться в памяти ребенка, так как они лишены образности и внутреннего эмоционального напряжения.

Второй рассказ Мих. Слонимского «Лесник», несмотря на некоторую растянutosть, имеет целостную композицию. Запоминаются образы Миши и Павлуши — двух героев рассказа. Эпизод с лесником, которого дети принимают за бандита, заинтересовывает и читателя со вниманием. Ход повествования бесцельно, сюжет не являющийся, и ребенок будет читать с интересом те главы, в которых описано лесное путешествие ребят. Язык рассказа свежий и очень прозрачный. Автор находит ряд запоминающихся деталей для характеристики действующих лиц. Встречается правда, нужное злоупотребление жаргоном («А в гараже как — все парижскому?» спросил Степанчук... Буркин налево (?) ходил, так уловил), но этот недостаток рассказа легко устранить.

Н. ВОРКУНОВА

«ЗОЛОТЫЕ ГУСЛИ»

Замысел сборника — дать в переводе на русский язык наиболее выразительные образцы удмуртской художественной литературы — заслуживает всяческого одобрения.

Расцвет освобожденной из-под гнета царизма молодой литературы показан в книге довольно обстоятельно.

М. Г. Можгин откровенно своей историко-научной поэзии. Его поэма «Беглецы», напечатанная в 1910 г., исполнена протеста против самоуправства царского суда.

Мощно и страстно-агитационно звучат стихи Д. А. Майорова.

Его стихотворение «Золотые гусли» даст сборнику не только название, но и своего рода героическую доминанту: Пусть песня вольного певца, Как меч в борьбе, народу служит, Согрет ласкою сердца, И слезы горькие осушит.

Зверски убитый кулаками в 1923 г. Д. А. Майоров оставил после себя произведения исключительной певучести и колоритности.

Стихи безмерно умершего в возрасте 22-х лет лирика И. Еремеева — автобиографичны. Сам круглый сирота, поэт писал о горькой доле трудового ребенка при царизме. Ряд искренних стихотворений он посвятил положению женщины в удмуртской семье.

Большое место в удмуртской литературе занимает поэт-драматург И. Г. Гаврилов. Его поэма «Сань» — вещь по преимуществу фольклорная. Богатство колорита и своеобразная песенная мелодичность — основные черты поэзии Гаврилова. Очень тонко переданы поэтом народная героика и самый дух удмуртской народной стихии.

К сожалению, в сборнике Гаврилов представлен только стихами. Поэтому мы не можем судить о нем, как о драматурге.

Поэт и переводчик М. П. Петров перевел на удмуртский язык «Мороз-Красный нос» Некрасова, ряд стихотворений Лермонтова, «Слово о полку Игореве», «Поднятую целину» М. Шолохова. Песни М. П. Петрова, записанные на грамофонные пластинки, пользуются большой популярностью в республике. В сборнике он представлен песней о Сталлоне и тремя стихотворениями.

Неподдельным лиризмом отличаются творчество поэтов Дьякова, Бутолина, Чайникова и Волкова. Четко и прозрачно написано стихотворение А. Волкова «Красная звезда».

Совсем юная удмуртская проза представлена отрывками из произведений И. Соляевса, А. Миронова и П. Блинова.

Большое место отведено в сборнике богатому удмуртскому фольклору — песням, сказкам, загадкам, поговоркам.

Нужно отметить высокое качество некоторых переводов. Поэма «Сань» мастера перевода Надежды Волыной. Отличаются поэтичностью переводы С. Мар и К. Арсеньевой.

Д. ШЕПЕЛЕНКО

ОШИБКА ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этой книге много несоответствий. Объем книги не соответствует ее названию, предисловие — содержанию, стихов и рассказов — грамматическим правилам и стилистическим особенностям русского языка.

Альманах, который должен был представлять о творчестве коллектива молодых писателей, содержит всего лишь 1,9 авторских листа текста! Может быть, такой скупой объем книги — результат очень строгого отбора произведений? Увы, уже при беглом чтении вопрос этот отпадает.

Жизнь в книге упрощена, конфликты сведены на нет. Если у колхозников Соци неполадки с мужем на почве нежизни предрасудков, то стоит ей только явиться в райком комсомолом — и конфликт как бывало. А вечером «подруги закурились в вальсе под звуки музыки, не прекращая залушевых разговоров о прекрасной жизни и радостном труде».

Такова концовка рассказа И. Устинова «Подруги».

Два небольших рассказа Устинова, которыми ограничивается отдел прозы, по существу бессюжетны. В них нет ни одного живого лица, ни одной живописной детали.

Большинство стихов, помещенных в «Счастливая жизнь». Альманах. Выпуск первый. Марийское государственное издательство. 1940 г.

М. ПРАТ.

ГЕОРГИЙ СААКАДЗЕ

Георгий Саакадзе, крупнейший политический и государственный деятель Грузии XVII века, искусный полководец и народный герой, всю свою жизнь посвятил борьбе с феодалами за объединение раздробленной Грузии. Но Грузия той эпохи не была подготовлена к восприятию его идей. Поэтому ни огромные победы над иранскими войсками, порабощение грузинского народа, ни мудрые государственные реформы не могли принести окончательную победу идеям Георгия Саакадзе и его политическая формула «единовластия — царя и ашугары»¹, а не «царя и князя» — потерпела поражение.

Публицистический очерк об эскадронах отбывавших триумфальное возмездие Грузии Саакадзе в Сурамской битве (1690 г.), в которой он с двадцатью тысячами грузинских воинов одержал победу над иранскими войсками.

¹ Теория, главным образом «милитаристская», на которой основаны политические взгляды Саакадзе, объединяет под их знаменами основные крестьянские массы.

эти наголову разбиты стольничное войско ипотриетли, ошедшее передовой военной техникой XVII века.

Князь Шадиман Бараташвили, идеолог феодального строя, и его клика решают уничтожить Георгия Саакадзе, любимого героя войска и народа. Неожиданная любовь царя Ляуарса к сестре Георгия Саакадзе — Телье побуждает Шадимана к более решительным действиям. Телье становится грузинской царшей, что крайне невыгодно феодальной аристократии.

Против Георгия Саакадзе составляется злодейский княжеский заговор.

Постановку трагедии «Георгий Саакадзе» осуществляют лауреат Сталинской премии режиссер-орденоносец М. Чагуридзе.

Сегодня в Москве открывается выставка произведений художника Г. К. Савицкого. НА СНИМКЕ: иллюстрация к «Герою нашего времени» (эпизод покупки ковра) и «Сначки».

«ЧУДЕСНАЯ БАШМАЧНИЦА» В ЦЫГАНСКОМ ТЕАТРЕ

Сесар М. АРКОНАДА

После «Кровавой свадьбы» Федерико Гарсиа Лорка Цыганский театр показал нам «Чудесную башмачницу» того же автора, довольно удачно, насколько я могу судить, переведенную А. Л. Катарличем и Ф. В. Кельшиным (стихи). В биографии же автора «Башмачница» помещена 1930 г. До этого Лорка поставил только «Маршану Пинеду», произведение, хорошо принятое критикой, но не отмеченное этой драматической индивидуальностью, которая раскрывается нам позже в «Кровавой свадьбе», в «Воспении», в «Донхе Росиньо». «Чудесная башмачница» относится к промежуточному периоду, к годам опыта и поиска.

Лорка называет свою «Башмачницу» — «жестоким фарсом», но это название мало соответствует действительному характеру вещи. На самом деле, это маленькая комедия с очень маленькой темой. Это — картина андалусского быта, очищенная и просветленная поэтическим искусством Лорки. Одной ступенькой ниже — и мы имеем бы уже дело с тем вульгарно-бытовым жанром, в котором подвизались у нас плодотворные братья Алваро Киплер.

Тот же всегда украшает жизнь. Лорка вывел из жизни картину андалусских нравов, а она заглянула у него яркими красками. Он изображал простонародную среду и заставлял ее разговаривать на языке высоких страстей. Он вывел на сцену персонажи, переживающие между житейской драмой и эти персонажи пленяют артиста противоречивостью и сложностью своих характеров. Не будет чудом парадоксальным сказать, что все произведение находится на грани вульгарного, и в то же время целая пропасть отделяет его от вульгарности.

Центральной темой в пьесе занимает сама башмачница, ее характер. Разница возрастов между ней и башмачником, ее супругом, — лишь второстепенная деталь, способствующая более энергичному развитию сюжета. Будь она суррата ровесницами, ход событий мог бы оставаться тем же. Желтый образ, выведенный Лоркой на сцену, психологически представляет собой типичный портрет андалуски, — это женщина, полная жизни, с очень развитым воображением, натура сложная и вместе с тем примитивная, земная и поэтическая, способная на самые неожиданные и противоречивые поступки; но в первую очередь это — женщина, которая в собственном кодексе видит прежде всего предмет искусства, как видит она такой предмет в цветах, в своем туалете, в своих разговорах с мужем, с соседями. Башмачник не понимает, что искусство это жизнь, а не искусство, а не прование супружеской неверности, и в этом заключается драматический смысл пьесы. По натуре своей башмачница женщина добрая, смелая, решительная, способная выдержать любую борьбу. Это характер, с одной стороны, поэтический, а с другой — незащищенный и мужественный. Отсюда не случайность, что по-настоящему башмачница дружит только с ребенком: это дружба — на поэтической основе, общей им обоим.

Социальный фон пьесы образует та враждебная, слепящая среда, которая окружает независимую и кокетливую башмачницу. Как и полагается в таком типично деревенском замкнутом, этот характер возмущается силами местной реакции. Друзьям башмачницы отведена в пьесе роль не выходящая за пределы многозначительной роли. Силетия — это некая общественная атмосфера. И эту атмосферу Лорка изображает в излюбленной им символической форме, в форме почти немой хора или, если угодно, живой фрески: кумушка в красном, кумушка в черном, кумушка в синем.

«Башмачница» не может, конечно, претендовать на высокое звание сатиры или социальной драмы, но в рамках своего жанра она отстаивает передовые идеи, смело защищает права женщин на независимость — против отсталых, черных сил испанской деревни.

Такое же сценическое решение нашел Цыганский театр для произведения испанского поэта? Лично я думаю — и это мнение, возможно, ипсозвучно мое неким «средством дум», — что театр «Ромэн» является одним из интереснейших театров Москвы. В его работах ощущается молодое новаторское беспокойство, свежесть художественного восприятия. Ему, конечно, далеко еще до настоящей зрелости, но он идет к ней уверенными шагами. «Чудесная башмачница» — между прочим, первая пьеса, сыгранная театром целиком на русском языке — есть еще один важный шаг в этом направлении.

Текст Лорки не только с большой точностью передан в этом спектакле, но во многих случаях поднят на новую высоту, особенно в конце первого акта, где он звучит с необычайной силой. Мне даже кажется, что театр «Ромэн» самому Лорке открыл бы глаза на те возможности, которые таились в его, Лорки, драматическом творчестве и которых он сам не использовал достаточно полно.

Говоря об удачах этого спектакля, хочется отметить прежде всего характеристику социальной среды с помощью танцев. Андалусские танцы, так называемые «фламэнко», принадлежат к труднейшему для не-испанцев жанру хореографического искусства. Балетная труппа Цыганского театра не гналась за невозможным; она сумела ограничить себя, проявила при этом хороший вкус и в результате показала заслуженный успех. Испанские танцы, которые мы видели в других театрах, уступают по этому — условности и дурному вкусу, навевая на память «сальвадор» романтиков. Танцы в «Чудесной башмачнице» тоже условны, но это — хорошая и гораздо более испанская условность. Бурлескный и вместе с тем драматичный, полный веселья и злой сатиры, хоровод в финале первого акта насыщенный испанским народным элементом, испанской народной жесткостью и лирикой.

Другой удачей спектакля должно быть признано его музыкальное оформление; принадлежало композитору С. М. Бугачевскому. Особенно удалось ему серенада (которой, кстати, нет в тексте самого Лорки). Композитор избрал здесь типичной «итальянской» слащавости, которой так часто грешит «испанская» музыка других московских театров, и создал произведение одновременно шутовское, выразительное и сильное. Очень хорош также и народный «лейтмотив», который напевает башмачнице хоровод кумушек. Вообще композитор, видимо, не «сочинял» музыку к спектаклю просто так, «из головы», а тщательно подобрал и как настоящий художник использовал и развил испанские народные мотивы.

Полностью Испанию можем воспроизвести на сцене, главным образом, художник спектакля Альберто Саичес. Это один из самых универсальных испанских художников. Скульптор, живописец, график, театральные художник, он сочетает все это с глубоким знанием национальной культуры и с истинно творческим подходом к искусству. В Испании он работал вместе с Лоркой над оформлением некоторых постановок. В «Башмачнице» ему, в сущности, не было развешено, и тем не менее, он сумел дать здесь живой кусок Андалуса, уютное подлинное Испания: все здесь, вплоть до мельчайших деталей, отмечено печатью национальности. Даже костюмы, и те говорят здесь по-испански, и это — лучше, что можно сказать о них.

Мне хотелось бы также упомянуть добрым словом и актеров — исполнителей отдельных ролей. Вообще говоря, актеры этого театра пока что умеют лучше петь и танцевать, нежели разговаривать на сцене. — Традиция, которую они должны еще преодолеть и преодолеть, если только театр «Ромэн» в целом захочет выдержать свой эстаблизман на зрелость. Итак, среди исполнителей хориста тройка деревенских ловеласов, вползающих за башмачницей (Хрусталева, Поляков, Шинков). Очень хороши также хоровод кумушек и особенно — «кумушка в красном» — Андреева, одна из лучших актрис театра. Исполнительница главной роли, Ляля Черная, — артистка, обладающая уже сценическим опытом. Ее роль в «Башмачнице» очень трудная, так как ей приходится играть характер, выдержанный в весьма и весьма локально-андалусском колорите. И все же надо сказать, что, не добившись полного этнографического сходства, Ляля Черная справилась со своей ролью лучше, чем все остальные — со своими. В конечном счете, именно Ляля Черная придает все необходимое напряжение спектаклю. Башмачник (Янковский) недостаточно характерен, ему не хватает живости, но во втором акте он лучше, чем в первом.

Итак, Цыганский театр «Ромэн» успешно ознакомил советского зрителя уже с двумя драматическими произведениями поэта Гарсиа Лорки. И что касается второго из этих спектаклей, т. е. «Чудесной башмачницы», то на мой взгляд, это — самое испанское зрелище из всех виденных мною в Москве.

М. Т. Антросов) — этот красавчик и щеголь, гармонист и плясун, простоватый и ласковый на дельце, шутовский прообраз «пеллака», представителя искусства, и коварная обольстительница Ляля (М. А. Баштелина), которая буквально змеет вьется и колесом крутится вокруг «герома». Талантливый актер Г. Е. Гумилевский (Козев) дал прототипный, уныло-человечный образ, полный какой-то ясной и тихой жизнерадостности. Замечательно, что все персонажи зверя в спектакле — и волк (В. Я. Данилин), и ежик (Л. С. Чернышова), и другие, разрабатывая очень детально все характерные черты «биологического» образа, в то же время глубоко человечны и вместе с тем сказочны. Это рождает «Сказки» с лучшими произведениями Андреева и других лучших сказочников мира.

Тяжел только, что театр ввел маски для зверей — это мешает актерам порой текст звучит девятью, что особенно досадно при чтении стихов.

«Сказки» предназначены для самых маленьких зрителей. Наши детские театры до сих пор не могли похвалиться спектаклями для малышей. На всеобщем смотре театров для детей осенью прошлого года мы не видели ни одного спектакля, который можно было бы считать в этом смысле вполне принципиальным и театрально и педагогически.

Даже «Сказки Пушкина» в Ленинградском Новом Театре показали нам слишком изысканными, слишком обнажен был в них формальный прием, слишком открыто разоблачен секрет театрального искусства, чтобы маленькие дети могли обобщаться этим спектаклем.

Здесь же — все ясно и понятно ребенку, все утито его догадываться, что лежит под поверхностью сказки, понимать сказочный «язык», все обобщает, радуется и плачет. Но ребенок-зритель здесь не только поддается всем обобщениям театрального искусства, он еще получает верное — на всю жизнь — ощущение театра. Первое знакомство с театром, таким образом, радостно, полезно и, что тоже очень важно, неутомительно. Со «Сказок» дети уходят не изжуренные, как с большинства так называемых «спектаклей для младшего возраста», но истомленные непосильными — не по возрасту — переживаниями, уходят веселые и счастливые, повторяя уже запомнившиеся строчки:

Машь-порушница
Там зерно толчет.
А лягушка
Пирог печет.
А петух на покоевнике
Нам играет на гармонике...

Ранний рассвет. Широкая долина, на фоне гор слышна песня воинов — «мхедрули».

Из глубины к долине подымают возвращающиеся с Сурамской битвы народное ополчение — ашугары войска.

Идут старые и молодые, много перевалов и хромых, но все воинственные и веселые.

Вдвигаясь на солнце, движется лес коней. Весело ржут кони. Над войском развевается знамена.

Ашугарская дружина на конях с трофеями следует за Саакадзе. Песня звучит мощнее.

Долина. Разбросаны оставленные палатки. Только вдали на клочке земли виднеется палатка, запряженной одной парой быков, старый и двое мальчишек. Это Бадрри одного палатки землю. Ему помогают Паата и Антадия. Бадрри прислушивается к песне, приложив руку ко рту, заслонившись от солнца, и стая вглядывается в даль.

Мальчишка притихло бросился бежать по направлению к долинке и дороге беззастенчиво, женщины, дети, старики.

Крестьяне бегут по полю, восторженно встречая Саакадзе. Тут дети с цветами, женщины с хлебом, кувшинами с вином.

— Победа Великому Моурави!

Забрасывая цветами, протягивая роги с вином, приветствуют крестьяне Саакадзе:

— Будь ашугор, Георгий!

— Да хранит тебя святая Инна!

Женщины, указывая своим детям на Саакадзе, говорят:

— Вот наш изобавитель!

— Вот наш Моурави!

— Смотрите!

По полю стремительно бегут Паата и Антадия, останавливаясь перед конем Саакадзе, приветствуют:

— С победой, отец!

Саакадзе улыбается, обнимает сыновей.

На фоне войны обнимаются со своими близкими.

Саакадзе с гордостью оглядел поле и говорит:

— Закончен долг перед родиной, пора вернуться к земле!

Восторженный гуд был ответом на эти слова. Крестьяне радостно погнали скот и стали впрягать в разбросанные по полю палатки быков и быков.

Паата подбежал к старику крестьянину, берет у него глиняную чашу с ягодами и подносит Бадрри.

Паата ловко прикрепляет к каждому рогу буйвола по свече. Одновременно поспевают мальчишки прикреплять свечи к рогам буйволов. Саакадзе, а за ним все соскочили с коней, направляются к Бадрри.

Бадрри взял миску с ягодами, поднес к передним буйволам, перекрестил и каждому ударил ягодами в лоб. Бадрри при каждом ударе притворяется:

— Пусть так всегда будет разбит наш враг!

Бадрри оборачивается, передает кремль подопешему Саакадзе:

— Да будет огонь из твоих рук жизнь творениям!

СААКАДЗЕ (высикая охоту): — Верь в любовь, и тогда земля зацветет!

Саакадзе залезл свечу на рога буйвола.

Сразу на рогах всех буйволов загорелись свечи.

Саакадзе, погнав буйволов, провёл плугом первую борозду. Крепкие руки глубоко врезают плуг в землю.

Гости весело входят в комнату по главе с Руудан. В глубоких нишах толстые рукописные книги в кожаных переплетах, свитки. На стенах ковры, фрески, иллюстрирующие эпоху Руставели. Развешено разнообразное оружие.

Слуги вносят на подносах серебряные кувшины с вином и чаши. Рассаживаются гости на низких тахтах.

СААКАДЗЕ (улыбаясь): — А ну, Паата, сколько воинов было у Александра Македонского в битве при Гавгамелах?

ПААТА (задумавшись, встряхивая волосами): — Семь тысяч всадников!

СААКАДЗЕ: — А у персидского царя Дария?

АНТАДИЯ: — Четыреста тысяч пехоты.

ПААТА (перебывая): — ...и сорок тысяч всадников.

СААКАДЗЕ: — А победил?

ПААТА: — Александр Македонский!

АНТАДИЯ: — Победил Георгий Саакадзе!

Все одобрительно смеются.

СААКАДЗЕ (Зубру): — Персы всегда имели несчетное войско, но не всегда побеждали. Главное, Зубра, — сила в ополчении. Обединим все грузинские князства в одно могучее царство.

ТАКЛЕ (обернувшись, побежала, кричит): — Георгий, брат мой, царь, царь Ляуарса!

За кадром слышится голос Саакадзе: — Паре раскрась врата!

На зубчатых стенах набрасывают шлеки. На первом плане стоит Саакадзе: — Сходите коври! Срывайте роги!

Трубите в роги!

Возникает веселый колокольный звон, затрубит роги.

От замка по дороге разматывают ковры.

Розами устилаются дорожки.

Бегут слуги.

Дружинники.

Во дворе суется. Мечутся слуги.

К воротам направляются Саакадзе, Зубра и все ашугары. Вдали видна кавалькада Ляуарса.

Тыща восторженных устремляется к замку Саакадзе. Восторженные крики:

— Царь, царь!

Молодой, примитивный подносит Ляуарсабу на бархатной подушке меч.

Ляуарсаб (берет, протягивает Саакадзе): — Награждаю тебя званием великого полководца. (Откидывая глазами Такле): — Да не осудит милость наша к героям родины!

Под восторженными гуд Саакадзе опускается на одно колено, принимает меч: — Царь! Меч, принятый от царской длани, могучей силой подымает твоё войско!

Восторженные крики:

— Победа Великому Моурави!

— Да прославится тобой грузинское оружие!

СТАРАХА КРЕСТЬЯНКА (горделиво): — К намшу Георгию царь стал в гости приезжать!

БАДРИ (лукаво посмотрел на старуху): — Кто умело стоял, того и усладили сыном!

Народ приветствует Ляуарсабу и Саакадзе.

ШАДИМАН (высоко поднял большую чашу): — Да наполнится твой дом, Георгий, благополучием и радостью!

В саду Саакадзе идет пир.

В центре на груде узорчатых подушек сидят Ляуарсаб. По сторонам сидят Саакадзе и Шадиман. Около Ляуарсаба в арабском низком столике — тонкогорлый кувшин и чаша. Вокруг на мутках и подушках сидят с одной стороны князья и ашугары, напротив — княгиня и ашугарки.

Князья, ругаями разрывая дичь и огромные куски мяса, с удовольствием едят. Кювер заставлен яствами.

МАГАЛАДЗЕ: — Готов поклестись, по-сладкому козу ашугару Саакадзе на стол выложим!

— И то унаш с моих пастбищ, по вкусу чувствуе, — говорит Орбелакян, улетая огромную баранью ногу.

Наскоось от Ляуарсаба сидят красивые ашугарки, среди них Такле.

Ляуарсаб ошеломлен красотой Такле, он смотрит на нее горящими глазами.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ (шепчет другой старой княгине): — Наверно, скоро копец свету! Смотри на Саакадзе: совсем нездоровый род, еще недавно бедный ашугар, а такой вершины достиг!

ДРУГАЯ КНЯГИНЯ (обсуждая княжеский): — О чем думаешь Шадиман?! Ляуарсаб (поднимает рог): — Здоровье благодетельная Руудан Саакадзе (обернувшись к Зубру), сестры Зубра, владыка Арагского князства.

— Ваша! Ваша! — пронеслось по рядам ашугаров, оруженосцев, дружинников.

Ляуарсаб: — Видишь, Георгий, тебя все войско любит!

СААКАДЗЕ: — Мой светлый пар! Войско — это народ! И вершина могущества Грузии (понижая голос) — это царь и ашугары, а не царь и князь!

Шадиман зорко следит за Ляуарсабом и Саакадзе.

АНДУКАПАР (шепчет Зубру): — Видишь, Зубра, ты ужаснулся, как лев, а почет и слава достались Георгию Саакадзе.

ЗУРАБ: — Докле Шадиман не вернет мой земли, я буду поддерживать Саакадзе, ибо это во вред Шадиману.

Ляуарсаб (расвесело): — Георгий, сколько лет твоей сестре, прекрасной Такле?

СААКАДЗЕ: — Я своих лет не помню, мой царь, дела царства...

Ляуарсаб: — Да... да... Георгий, дела царства. Царство! Кстати, на кого похожа Такле? Она так красива!

СААКАДЗЕ (срывая досаду): — Не достойна она твоего внимания, мой светлый царь!

Но Ляуарсаб уже не слушает Саакадзе, он смотрит на Такле.

ШАДИМАН (наполняя чашу вином, любезно): — «О, любовь есть истязание! Тот, кто любит, весь терзается. Все же он жаждет призрачного утешения среди огней».

Ляуарсаб (поднимая чашу, смотрит на Такле и возмущенно): — Сидит дал он чернойорой, дал ей царские покровы, и она звездой новой воссияла среди светил.

Такле смущенно опускает глаза, берет свою чашу и пряча глаза за ней, почти шепчет:

— Шедорсть — власть, как власть заката. Где измена? Прочь бежала. Что ты опречил, что пропало. Что ты отдал, что твоё.

Она и княгиня, сидящих напротив Ляуарсаба, косая на Такле, протягивает Ляуарсабу красивое яблоко.

КНЯГИНЯ (завылливо): — Светлый царь! Издревле коварный плод ягода и истинно прекрасных ватзев.

Ляуарсаб (беря яблоко): — А чем зашпигишь мне от укушения, прекрасная Такле?

Такле порывисто протянула Ляуарсабу грецкий орех.

начинает петь: «Мои ак, далежк готов!».

Весь стол подхватывает.

Такле, застылившись, легко вскочила, хотела за деревьями.

Саакадзе берет со стола вазу с фруктами.

Ляуарсаб быстро встал, поспешил за Такле.

ШАДИМАН (шепчет Андукапару): — Подарив, князь Кажется, я нашел средство избавиться от Саакадзе!

АНДУКАПАР (задумавшись): — Изабавитесь? После неожиданной удачи Моурави?

ШАДИМАН (принципиально): — Э, князь, что стоит услуга, которая уже оказана?! Саакадзе обернулся с вазой в руках, удивлен отсутствием царя. Глаза его вспыхнули гневом.

ШАДИМАН: — Ты, кажется, хотел предложить эти чудесные плоды царю? СААКАДЗЕ: Да! Но царь предпочел роу... Прощу, доблестные князь, по обычаю предков отвдайте вы за царя!

Вырвавшись промолву рукопескария. Все поворачиваются головы.

Зубра и ашугары ренуют рукоплещут. Возгласы: — Царь, царь тащут!

Под развеселой царской Ляуарсаб тащут лекаря с Такле.

Летко несется Такле по коври. Ляуарсаб преследует ее, изгибаясь, словно на охоте.

Полошел Саакадзе, сумрачно посмотрел на Ляуарсаба, опустил около Руудан.

Руудан с нежностью и трепетом смотрит на Такле.

Тащут Такле. В порывистом танце преследует ее Ляуарсаб.

Престально смотрит на танец Зубра, Шадиман, Андукапар, князья, ашугары, придворные. Иза их сил с удивлением смотрит Ноуар, хостыня.

Вот, вот совсем близко Ляуарсаб, вот плещет.

Такле с немой мольбой смотрит на Ляуарсаба, неожиданно поворачивается.

Бежит по аллее в глубь сада. Ляуарсаб, теряя голову, бежит за Такле.

Такле пробегает мимо колопады, бежит от откоу с покусившимся домыку, овраженному патеной оградой. Такле олянулась. Она видит, как Ляуарсаб неустойно следует за ней.

Такле схватилась за сердце и, толкая дверь, порывисто бросилась в дом.

Подбежал Ляуарсаб, обнял трепещущую Такле:

— Такле! Такле, ты мне предкаван судьбой!

ТАКЛЕ (восторженно): — Царь, я нежна-куд ашугарка. Видишь это белое жемчужное? Здесь родился Георгий Саакадзе, отсюда простым дружинником пошел он на свою первую битву под знаменем твоего отца. Здесь царь, родился я... Так смейся, бедошастая, смотри на царя Грузии!

Н. В. Шелгунов
К 50-летию со дня смерти

Николай Васильевич Шелгунов — один из самых ярких прозаиков демократических идей шестидесятых годов прошлого столетия. Его разнообразное литературное наследие включает большое количество статей на исторические, критико-публицистические, социально-экономические и общественно-политические темы. Окончив курс в петербургском Лесном институте, Шелгунов долгое время служил по своей специальности и первые свои литературные труды посвящал вопросам лесоводства, печатаясь как в специальных, так и в общелитературных журналах. По служебным обязанностям он дважды получал заграничные командировки, и пребывание за рубежом, где он познакомился с Герценом, немало способствовало выработке его радикального мировоззрения. Только в последние годы Шелгунов оставил службу и всецело посвятил себя литературной работе, сотрудничая сначала в «Русском слове», а затем в «Деле».

Получив в конце семидесятых годов возможность проживания в столице, Шелгунов после смерти Благосветлова становится его официальным редактором. Позднее, уже в девяностых годах, Николай Васильевич делается присяжным обозревателем событий внутренней жизни страны на страницах московского еженедельника «Русская мысль». Помещаемые им из номера в номер «Обчерки русской жизни», острове по форме и глубоко искренние по содержанию, имели исключительный успех и сделали имя автора популярным в широких кругах читателей.

Скончался Н. В. Шелгунов 24 апреля 1891 г. и похоронен писателя, на которого образовано много молодых студентов и интеллигенции, носил характер демонстрации по адресу царского правительства. Сочинения Шелгунова издавались в 1872, 1890 и в 1895 гг., но все эти издания далеко не объединяют всего им написанного. Оставленные писателем воспоминания дают богатый автобиографический материал и являются важным документом для изучения идей и деятелей шестидесятых годов.

И. БУИМЭН.

На родине И. А. Гончарова

В этом году исполняется 50 лет со дня смерти великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова.

На его родине, в г. Ульяновске, Кузнецкой области, готовится к этой знаменательной дате Библиотека ульяновского Дворца книги им. В. И. Ленина в целях пропаганды произведений писателя. Проведла читательскую конференцию по роману «Обломов». В настоящее время ведется подготовка еще к двум таким конференциям.

Недавно состоялась лекция на тему «И. А. Гончаров и наш город». Работники библиотеки на мероприятии рассказали о жизни и творчестве Гончарова, устраивая громкие читки отрывков из его произведений.

Как известно, история Ульяновской библиотеки связана с именем Гончарова. Симбирской Карамзинской библиотеке писатель еще при жизни подарил много лично ему принадлежавших книг и журналов. На многих из этих книг имеются автографы самого писателя и его литературных друзей, в том числе Некрасова, Салтыкова-Щедрина, А. Островского, Писемского. В настоящее время работники Дворца книги во главе с библиографом библиотеки тов. Е. В. Ложкиной готовят специальную выставку «Книги из личной библиотеки И. А. Гончарова».

В краеведском музее оборудована специальная экспозиция И. А. Гончарова, в которой собраны редкие предметы, а также ряд ульяновских предметов, принадлежавших писателю и пожертвованных в музей родственниками писателя и его наследниками.

Н. ВАРЛАМОВ,
работник ульяновского Дворца книги
им. В. И. Ленина.

Творческая конференция драматургов

25 апреля в Клубе писателей открывается творческая конференция драматургов, посвященная производимому Союзом советских писателей СССР.

Конференция откроется выступлением словес К. Тренева. Первой будет обсуждена пьеса М. Светлова «Двадцать лет и спуска». Последующие обсуждения будут посвящены пьесам А. Корнейчука «В степях Украины», А. Афиногенова «Машенька», И. Штока «Дом № 5», К. Крапивы «Кто смеется последний», К. Симонова «Парень из нашего города», О. Литовского «Сентиментальный вальс» и А. Раскина и М. Слободкина «Тот, кого искали».

Конкурс на лучшую молдавскую песню

КНИШИНЕ (Наш юмор). В ознаменование первой годовщины освобождения трудящихся Бессарабии от румынских оккупантов Управлением по делам искусств при СНК Молдавской ССР, Союз писателей и Союз композиторов объявили конкурс на оригинальную молдавскую песню. Установлено 12 премий для лучших песен. Ряд молдавских поэтов работает уже над созданием новых песен. На днях были приняты в Союз советских писателей молдавские поэты Ем. Буков, Ф. Ненчев, Н. Костенко и еврейский прозаик М. Альтман.

Группа писателей: Ем. Буков, Г. Меньюк, Л. Чес и Д. Ветров выделены для помощи редакциям местных газет в написании историко-биографических статей. Союз писателей систематически проводит творческие вечера поэтов и прозаиков. За последние дни состоялось два творческих вечера: еврейского прозаика М. Альтмана и поэта Я. Штернберга. М. Альтман — автор нескольких книг, отображающих жизнь еврейского народа в боковой Румынии. Он прочел отрывок из своего нового романа «Золото». Я. Штернберг прочитал отрывок из своей новой поэмы «Котовский».

КНИГИ

«ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» подготовлен к печати в Государственном издательстве. Охватывает круг терминов, относящихся ко всем разделам печатного производства (всего 37 разделов по графическим производствам). Словник словаря состоит из 6000 терминов.

«НЕОБЫЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КИМА» — так называется детская книжка К. Скалода, выпущенная Воронежским областным издательством. Это научно-фантастический рассказ, знакомящий ребят с ископаемыми чудовищами. К. Скалода является одновременно и иллюстратором. Его силуэтные рисунки хорошо передают форму и движение описываемых в книжке животных.

«ИВАН ФРАНКО — ИСТОРИК УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРЫ». Большое научное исследование закончил проф. А. П. Парадийский. В этой монографии автор подробно исследует ряд научных работ Ивана Франко, а также его рукописное наследие украинской литературы.

СОЧИНЕНИЯ МАЯКОВСКОГО НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. Издательство «Международная книга» выпустило пятитомное собрание сочинений Маяковского. Том I включает поэмы «Византизм и Ильяч Ленин» и «Хорошо!», в переводе Луго Гуипетра, вышел около полутома назад. II том, в который вошло 53 стихотворения, «Стихи о советском паспорте», «Во весь голос», «Необычайное приключение», «Разговор с функционером о поэзии» и другие, в переводе Г. Гуипетра и Ф. Ленивиера, должен выйти в ближайшее время.

«ОБРАЗЫ АНТЕРОВ» — новая книга Л. Новитского вышла недавно в издательстве «Искусство». Автор в художественных очерках рисует в ней биографию, творческий путь крупнейших московских актеров — народных артистов СССР А. А. Остужева, М. М. Климова, С. М. Михоэлса, Н. П. Хмелева, народной артистки РСФСР О. Н. Андрюшковой, заслуженных артистов республик М. И. Бабичова, Д. Н. Орлова и М. М. Штрауха. Очерки иллюстрированы портретами актеров и снимками их в лучших ролях.

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО». В серии «Библиотеки внешней политики» готовится к изданию капитальный труд проф. Оппенгейма «Международное право». Книга переведена на русский язык под редакцией проф. В. Корovina с последнего английского издания, подготовленного проф. Чаувер-Паксом. В примечаниях и русском вступлении книги учитываются также практика международных отношений различных стран за последние пять лет после выхода книги.

Второй крупной постановкой является опера «Огонь и ночь» композитора Яна Мельника. «Огонь и ночь» — это быстрое и захватывающее музыкальное произведение. Эта опера была представлена в Ульяновской оперной театральской труппе. Предпочтительнее ставить обычно дешевые западноевропейские оперетты.

Опера «В огне» Янко Калында пойдет по театрам В. Петрищева. «Повесть о странном судье». Большинство выступивших писателей, знакомых с двумя первыми книжками Петрищева «Бесмертие» и «Победитель», говорили, что сравнение с ними — не в пользу новой повести.

Молодой автор напрасно изменил современную тему — самой важной сейчас для советского писателя, — которую он разрешил в простой реалистической манере.

Обратившись к историческому материалу, который он довольно добросовестно изучил, В. Петрищев не сумел, однако, ничего нового своему читателю «Повесть о странном судье» во многом искусственно выдала. Законная попытка писателя связать прошлое с сегодняшней действительностью, не увенчалась успехом. Перебрасываясь из одной эпохи в другую — из Италии времен Гарибальди в крепостную Россию, затем в Россию периода гражданской войны и, наконец, в наши дни — оказалось скучно не связанными отрывками, а не связанными, искусственно соединенными тонкой сюжетной нитью — розмками архивного документа, — так и остались разрозненными.

Автор, — отмечает А. Караваева, — нагромождает эпизоды, искусственно разрывая рамки своего произведения, прерывая его в повест, хотя по существу, оно не более как рассказ. Отдельные кусочки повести написаны хорошо. Но в ней много вычурности, надуманных образов.

Живые страницы, — говорит Г. Бромман, — переживаются с традиционными описаниями, вызывающими множество литературных реминисценций. Романтическая приподнятость, переходящая иногда в мигалую напыщенность.

Петрищев стремился своеобразно повести развитие своей вещи, — отмечает М. Эртарт, — он по-своему расставил в ней людей и события. И многое удалось в ней автору, особенно начало и конец. Но Петрищев порой теряет чувство меры, перегружая повествование необязательными, лишними эпизодами, искусственно

Фильм «ЛЕРМОНТОВ»

В киностудии Союздетфильма идут съемки картины «Лермонтов» по сценарию К. Паустовского; режиссер картины А. Гендельштейн, оператор М. Магидсон.

Фильм рассказывает о последнем периоде жизни Лермонтова — 1837—41 гг. В роли Лермонтова снимается артист А. Кондрюский, Белинский — А. Раевский, Марьянова — А. Абрикосова, Николай I — Н. Охлопков. Фильм выйдет на экран к столетию со дня смерти поэта.

На снимке: сцена разговора Лермонтова с Белинским.

Фото С. Гольдфайна.

На снимке: сцена разговора Лермонтова с Белинским.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Из писем читателей и от наших корреспондентов

БИРЮБИДЖАН. Писатели Еврейской автономной области работают сейчас над книжками для «Библиотеки бириюбиджанца», которая будет выпущена местным издательством. Первые сборники стихов подготовили молодые поэты Фришман и Гофштейн. В библиотеку войдут также книги рассказов прозаиков С. Боржес, Л. Вассерман и Б. Миллера.

КИЕВ. На Украине начинают выходить новые двухнедельные иллюстрированные журналы: юмористический — «Перец» и литературно-художественный и общественно-политический — «Украина».

Утверждены редколлегия журналов, в состав которых вошли писатели, журналисты, деятели искусства.

ЛЕНИНГРАД. В Центральном государственном архиве народного хозяйства обнаружено значительное количество писем И. С. Тургенева, написанных в Париже в 1877 г. и адресованных министру просвещения, а впоследствии члену Государственной думы Голованову.

МАХАЧКАЛА. Дагестанский радиокomitee и Союз писателей ДагССР организовали выпуск «Литературной газеты по радио». Недавно передавался первый номер животовых.

Искусство Советской Латвии

Работники искусства Латвийской ССР о огромном подъеме которого в предшествующие годы, отмечают в статье «Искусство Латвии» в «Московском журнале».

Государственный театр оперы и балета Латвии готовит к декаде постановки четырех опер и двух балетов (одна из них — летская).

Москвичам будет показана одна из выдающихся латвийских опер — «Банюта» композитора Ал. Калдыня. Постановка — режиссера Я. Заринь. Декорации пишет художник Э. Рожалла. Дирижировать оперой будет Теодор Рейтер.

Переработку либретто оперы были заняты Круминь и П. Вилцитс. В прежней постановке герои оперы были показаны не как представители народа, а как одиночки. Их борьба, их конфликты не имели никакого социального смысла — это была чисто мифологическая фантастика или же эпизоды обыкновенной любовной интриги. В переработанном либретто все поступки героев, их характеры предстают в совершенно новом свете.

До сих пор на сцене театра древние латвийские свадебные торжества показывались, как оперная условность. Сейчас постановщики стремятся оживить прекрасные народные обычаи и показать подлинный фольклор, народные песни без той условности, которая была в прежних постановках.

Второй крупной постановкой является опера «Огонь и ночь» композитора Яна Мельника. «Огонь и ночь» — это быстрое и захватывающее музыкальное произведение. Эта опера была представлена в Ульяновской оперной театральской труппе. Предпочтительнее ставить обычно дешевые западноевропейские оперетты.

Опера «В огне» Янко Калында пойдет по театрам В. Петрищева. «Повесть о странном судье». Большинство выступивших писателей, знакомых с двумя первыми книжками Петрищева «Бесмертие» и «Победитель», говорили, что сравнение с ними — не в пользу новой повести.

Молодой автор напрасно изменил современную тему — самой важной сейчас для советского писателя, — которую он разрешил в простой реалистической манере.

Обратившись к историческому материалу, который он довольно добросовестно изучил, В. Петрищев не сумел, однако, ничего нового своему читателю «Повесть о странном судье» во многом искусственно выдала. Законная попытка писателя связать прошлое с сегодняшней действительностью, не увенчалась успехом. Перебрасываясь из одной эпохи в другую — из Италии времен Гарибальди в крепостную Россию, затем в Россию периода гражданской войны и, наконец, в наши дни — оказалось скучно не связанными отрывками, а не связанными, искусственно соединенными тонкой сюжетной нитью — розмками архивного документа, — так и остались разрозненными.

Автор, — отмечает А. Караваева, — нагромождает эпизоды, искусственно разрывая рамки своего произведения, прерывая его в повест, хотя по существу, оно не более как рассказ. Отдельные кусочки повести написаны хорошо. Но в ней много вычурности, надуманных образов.

Живые страницы, — говорит Г. Бромман, — переживаются с традиционными описаниями, вызывающими множество литературных реминисценций. Романтическая приподнятость, переходящая иногда в мигалую напыщенность.

Петрищев стремился своеобразно повести развитие своей вещи, — отмечает М. Эртарт, — он по-своему расставил в ней людей и события. И многое удалось в ней автору, особенно начало и конец. Но Петрищев порой теряет чувство меры, перегружая повествование необязательными, лишними эпизодами, искусственно

мер газеты, состоящая из очерка «Гамзат Цадаса», критико-биографической статьи о лезгинском альманахе, статьи о народном творчестве и выступлений поэта.

Газета будет передаваться два раза в месяц.

ОМСК. Библиотека областного краеведческого музея закончила инвентаризацию 6000 книг, вывезенных из Тарского окружного архива. Среди них большое количество периодических изданий: коммюнике журналы «Отечественные записки» с 1842 г., «Вестник Европы», «Русская мысль» и другие. Много книг по вопросам истории, изданных в 1830 году и позднее.

УФА. Пращение Союза советских писателей Башкирии прошло вечер, посвященный творчеству поэта С. Кулибаева.

После доклада о его творчестве поэт читал свою новую поэму о втором Баку.

ХАБАРОВСК. В Петропавловске на Камчатке при редакции газеты «Камчатская правда» создано литературное объединение, куда входят пятьдесят начинающих авторов. Многие участники литобъединения заняты сбором камчатского и эвенкийского фольклора.

Искусство Советской Латвии

Работники искусства Латвийской ССР о огромном подъеме которого в предшествующие годы, отмечают в статье «Искусство Латвии» в «Московском журнале».

Государственный театр оперы и балета Латвии готовит к декаде постановки четырех опер и двух балетов (одна из них — летская).

Москвичам будет показана одна из выдающихся латвийских опер — «Банюта» композитора Ал. Калдыня. Постановка — режиссера Я. Заринь. Декорации пишет художник Э. Рожалла. Дирижировать оперой будет Теодор Рейтер.

Переработку либретто оперы были заняты Круминь и П. Вилцитс. В прежней постановке герои оперы были показаны не как представители народа, а как одиночки. Их борьба, их конфликты не имели никакого социального смысла — это была чисто мифологическая фантастика или же эпизоды обыкновенной любовной интриги. В переработанном либретто все поступки героев, их характеры предстают в совершенно новом свете.

До сих пор на сцене театра древние латвийские свадебные торжества показывались, как оперная условность. Сейчас постановщики стремятся оживить прекрасные народные обычаи и показать подлинный фольклор, народные песни без той условности, которая была в прежних постановках.

Второй крупной постановкой является опера «Огонь и ночь» композитора Яна Мельника. «Огонь и ночь» — это быстрое и захватывающее музыкальное произведение. Эта опера была представлена в Ульяновской оперной театральской труппе. Предпочтительнее ставить обычно дешевые западноевропейские оперетты.

Опера «В огне» Янко Калында пойдет по театрам В. Петрищева. «Повесть о странном судье». Большинство выступивших писателей, знакомых с двумя первыми книжками Петрищева «Бесмертие» и «Победитель», говорили, что сравнение с ними — не в пользу новой повести.

Молодой автор напрасно изменил современную тему — самой важной сейчас для советского писателя, — которую он разрешил в простой реалистической манере.

Обратившись к историческому материалу, который он довольно добросовестно изучил, В. Петрищев не сумел, однако, ничего нового своему читателю «Повесть о странном судье» во многом искусственно выдала. Законная попытка писателя связать прошлое с сегодняшней действительностью, не увенчалась успехом. Перебрасываясь из одной эпохи в другую — из Италии времен Гарибальди в крепостную Россию, затем в Россию периода гражданской войны и, наконец, в наши дни — оказалось скучно не связанными отрывками, а не связанными, искусственно соединенными тонкой сюжетной нитью — розмками архивного документа, — так и остались разрозненными.

Автор, — отмечает А. Караваева, — нагромождает эпизоды, искусственно разрывая рамки своего произведения, прерывая его в повест, хотя по существу, оно не более как рассказ. Отдельные кусочки повести написаны хорошо. Но в ней много вычурности, надуманных образов.

Живые страницы, — говорит Г. Бромман, — переживаются с традиционными описаниями, вызывающими множество литературных реминисценций. Романтическая приподнятость, переходящая иногда в мигалую напыщенность.

Петрищев стремился своеобразно повести развитие своей вещи, — отмечает М. Эртарт, — он по-своему расставил в ней людей и события. И многое удалось в ней автору, особенно начало и конец. Но Петрищев порой теряет чувство меры, перегружая повествование необязательными, лишними эпизодами, искусственно

Совещание писателей города Молотова

МОЛОТОВ. (Наш юмор). состоялось первое областное совещание писателей. С докладом о работе писательской организации выступили г. Степанов.

— За последние время, — сказал он, — издавалось несколько книг писателей Молотовской области, в том числе: альманах «Иртышские», сборники стихотворений В. Михайлова — «Ильяч» и «Подарок» — Н. Труфанова. В ближайшее время выйдут из печати: «Гам, где окрестности итти» — сборник рассказов И. Трайнина, «Несколько страниц про зверей и птиц» — стихи для детей А. Матросова, «Простор» — стихотворения В. Занадворова и др.

Однако писатели Молотовской области почему-то пишут больше о прошлом своего края, чем о настоящем. Это значит, что они еще мало знают настоящее своего края, не изучают его, редко встречаются с читательской аудиторией.

На собрании выступили гг. Трайнина, Труфанова, Вычков, писатели Коммунистического национального округа гг. Попов и Каравая. В своих выступлениях они отметили крупные недостатки в работе организации: писатели редко встречаются, мало обсуждают новые произведения, не организована и литературная учеба.

Неизвестное стихотворение К. Ф. Рыльева

Недавно мне удалось обнаружить в Государственном архиве внешней политики до сих пор совершенно неизвестное стихотворение Рыльева (свыше 90 строк), озаглавленное: «Князь Смоленскому ода».

О Михаиле Илларионовиче Кутузове Рыльев упоминает в другом, более раннем своем стихотворении: «Любовь к отчизне», но в этом стихотворении только две строфы из восьми посвящены Кутузову, тогда как все девять строк ода «Князь Смоленскому» повествуют об этом «отце отечества».

Виталий ЗИНГОРН
Приводим две строфы из оды «Князь Смоленскому»:

Вселенная давно страдала
От чествования врага,
Уже одна ее стопа
У края гибели нога.

Как вдруг, герой, ты появился
И мир надеждой озарил,
Что ты спасешь ее от бед,
Уже висят над главою!

Их след остался на равнинах
На век кичливому во срам,
А кости их в лесах, долинах —
По славу памятник нам!

Ты смил, Кутузов, дел творитель!
Где царств надменный покоритель,
Где сей ужасный бич людей?
Кого страшился змея боги,
Его умчали быстры ноги
С венчанных храбростью полей.

«На рубеже»

В Карело-Финской ССР с июля 1940 г. начал издаваться (на русском языке) ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «На рубеже». В прошлом году вышло шесть номеров журнала, расослан подписчикам № 1—2, в ближайшие дни выйдут в свет третий и последний номера.

На страницах журнала «На рубеже» много места отводится производственному творчеству. Большой интерес представляют карело-финские народные песни из сборника «Кантелетар» и народные сказки, начатые в ряде номеров журнала. На русском языке они появляются впервые.

В фольклорном отделе журнала напечатаны, кроме того, произведения на современные темы: сказки А. М. Пашкова, Е. С. Журавлевой, М. М. Коргуева, А. К. Исакова и других сказителей. В этих произведениях ярко и красочно изображаются успехи социалистического строительства молодой Карело-Финской республики, победоносная война с белофиннами, всеобщая сельскохозяйственная выставка.

В журнале постоянно печатаются переводы финских классиков — А. Кюпи, Ю. Ахо, М. Кант, Э. Лейно, И. Линна-Юкки, а также произведения ленинградских писателей.

И. ОМЕЖСКИЙ
Петрозаводск.

ЭПОС ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Президиум Союза советских писателей СССР образовал комитет по изучению, изданию и популяризации эпоса осетинского народа «Сказание о партах».

В состав комитета вошли: М. Шагинян, В. Тихонов (председатель), С. Горюцкий, Л. Пастынов, В. Гольдберг, В. Казин, П. Антокольский, И. Сельвинский, М. Зотевич, проф. В. Динкин, проф. В. Жирковский, акад. И. Орбели, Ю. Либманский, К. Бузов (председатель СНК Северной Осетии), Н. Макин (секретарь Северо-осетинского обкома ВКЦ(б)), Арс. Юзов, И. Джагаев-Нигера, В. Воинов, Х. Плиев (СНК Юго-Осетии), А. Шенгелов (СНК Бабардино-Балкарский), Д. Яндиев (СНК Чечено-Ингушетии), Лео Владчели (СНК Грузия), Абуга Вазаб Сулейманов (СНК Дагестана), Павел Тугица (СНК Украины), В. Абоев (ст. научный сотрудник Академии наук СССР, Ленинград), В. Хубаев (Юго-Осетия), В. Цховребадия (секретарь Юго-осетинского обкома партии), М. Павлахов (Юго-Осетия), М. Туранов (народный художник Осетии), В. Аварушенов, А. Штейнберг и А. Гьябинян.

В Орджоникидзе вышла из печати популярная брошюра И. Джагаева-Нигера об осетинском эпосе «Сказание о партах» (на осетинском и русском языках).

В бюро областных комиссий

Бюро областных комиссий СНК СССР заслушало сообщение М. Колосова о работе ивановского отделения СНК.

Докладчик подробно остановился на недостатках ивановского альманаха. — Те недостатков, — говорил он, — которыми до сих пор страдала писательская организация Иваново, отразились на готовности очередной книге альманаха.

Невниманье к современной теме, пристрастие к интимной лирике, небрежная разработка оборотной тематики — вот что увидит читатель в этой книге, в которой к тому же почти отсутствуют критические статьи.

Ивановское областное издательство мало способствовало работе писателей. Оно не раз проходило мимо талантливых произведений молодых авторов, которые чаще встречают внимание и заслуженную оценку своих произведений в Москве, чем у себя в Иваново.

Состоявшееся заседание бюро ивановского отделения Союза писателей с активом наметило ряд мероприятий по перестройке работы отделения СНК. Решено создать в Иваново литературное объединение, вокруг которого будут группироваться выявившие себя литераторы. К работе объединения привлекаются критики, до сих пор стоявшие в стороне от жизни писательской организации.

Писатели берут шефство над многотражной одной из лучших текстильных фабрик города. Расширяется редколлегия альманаха, к работе которого привлекаются научные сотрудники ивановской библиотеки и партакбювета.

В июне в Иваново будет проведен семинар для 15 молодых писателей из области.

В порядке подготовки писателей к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Иваново объявлен конкурс на лучшее художественное произведение.

Бюро областных комиссий заслушало сообщение т. Н. Павлова о работе костромской литературной группы.

Стихи и поэмы А. Шогенцукова

В Кабардино-Балкарском государственном издательстве вышла в свет большая книга «Стихи и поэмы» кабардинского поэта, заслуженного деятеля искусств Кабардино-Балкарии А. Шогенцукова. Эта книга на кабардинском языке. В эту книгу автор включил все лучшее из написанного им почти за двадцать лет.

Содержание книги составляет около 1000 избранных стихотворений и лирических стихов, из которых «Камбет и Лия» (написанная на историческом материале), «Мадина» и «Юная героиня» являются наиболее значительными и законченными как в смысле формы, так и в смысле содержания.

Али Шогенцуков является автором замечательной кабардинской поэзии, и выход в свет его книги является не только большим праздником для молодой, только что формирующейся литературы Кабардино-Балкарии, но и знаменательным событием во всей культурной жизни республики.

И. СТОЛЯРОВ

Словарь иностранных слов

Государственное издательство словарей начало в печать новое издание «Словаря иностранных слов». По сравнению с первым изданием 1939 г. значительно расширен словарь: включено значительное количество терминов из области естественных и прикладных наук, философии, переработана часть словаря, включавшая терминологию точных наук.

К словарю приложен краткий грамматический очерк иностранных слов, вошедших в русский язык, список элементов международной терминологии, таблицы греческого и латинского алфавитов и русско-латинский словарь. В его состав также включены список греческих и латинских чуждых слов, вошедших в русский язык, и иностранных слов и выражений, употребляющихся в русской литературе.

Книги в тундре

ОМСК. (Наш юмор). Книжный склад культуры Омского обкомпроса подготовил литературу к отправке с первыми пароходами на Крайний Север, в частности, в Ямало-Ненецкий национальный округ. Всего будет послано литературы на 200 тыс. рублей. Это примерно в 10 раз больше, чем было завезено туда в прошлом году.

Впервые посылается большое количество книг в караваном телега «Анастас Микловитч» в его сопровождении с Ямал-Ненецким и другие пункты Крайнего Севера.

Жители тундры, кроме русской литературы, получают первые книги с параллельными текстами на хантыйском и русском языках на мансийском, ненецком и русском языках.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ

Высокие требования

Последние дни московской творческой конференции совпали с началом очередной конференции писателей, живущих в краях и областях РСФСР. Для участия в ней в Москву приехали 11 прозаиков, 4 поэта и один критик. Открывая конференцию, Анна Караваева поставила перед собравшимися вопрос о современной теме.